Кн. Евгеній Трубецкой.

ДВА ЗВѢРЯ.

(СТАРОЕ и НОВОЕ).

И увидѣлъ я другого звѣря, выходящаго изъ земли; онъ имѣлъ два рога, подобные агнчимъ, и говорилъ какъ драконъ. Онъ дѣйствуетъ передъ нимъ со всею властію перваго звѣря, и заставляетъ всю землю и живущихъ на ней поклониться первому звѣрю, у котораго смертельная рана была
(Апокал. XIII, 11—12).

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая, свой домъ
1918.

ЦР

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
441
40

Старое и новое

(вмѣсто предисловія).

Печатаемыя здѣсь статьи уже были мною помѣщены въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» въ 1906, 1907, 1908 и 1909 году. И, однако, перепечатка ихъ *въ наши дни* не есть простое повтореніе. Изъ множества статей, помѣщенныхъ мною въ разныхъ изданіяхъ за тотъ же періодъ времени, эти шесть не только остались современными, но пріобрѣли новое значеніе и новый оттѣнокъ смысла, котораго онѣ не имѣли въ моментъ первоначальнаго ихъ напечатанія. Онѣ вызваны переживаніями первой русской революціи; между тѣмъ, вслѣдствіе повторенія въ наши дни въ болѣе широкомъ масштабѣ тѣхъ же переживаній, онѣ даютъ откликъ и на событія второй русской революціи. Тѣмъ самымъ онѣ освѣщаютъ современныя событія какъ продолженіе и развитіе *единаго историческаго процесса, объединяющаго обѣ революціи.*

Въ нихъ характеризуются непреходящія явленія русской жизни; а въ нѣкоторыхъ (напр., въ концѣ статьи «Два звѣря», именемъ коей озаглавливается весь настоящій сборникъ и въ аллегоріи «Буранъ») читатель найдетъ въ точности исполнившіяся предсказанія.

И страхи и надежды въ этихъ статьяхъ въ общемъ тѣ же, что и теперь. — Онѣ полны предчувствіемъ надвигающейся, теперь—увы!—*сбывшейся* катастрофы. Предчувствія вызваны частью наблюденіемъ той исторической закономѣр-

ности въ событіяхъ реакціи и революціи, которая обусловливаетъ изумительное сходство стараго и новаго (ср. статью о Платонѣ), частью же изученіемъ русскаго народнаго характера, въ коемъ во всѣ вѣка сказываются однѣ и тѣ же черты (см. «Всеобщее прямое, тайное и равное», «Максимализмъ», «Гоголь и Россія»). — А надежды на Россію, теперь, какъ и прежде, неотдѣлимы отъ мучительныхъ за нее тревогъ: ибо поводомъ для тѣхъ и для другихъ служитъ одинъ и тотъ же ея духовный обликъ, тотъ самый, который характеризуется въ статьѣ о Гоголѣ. Изъ него рождаются и русскій большевизмъ и русское богоискательство, да и вообще всѣ тѣ противоположныя влеченія русской души, которыя ее губятъ и спасаютъ.

Само собою разумѣется, что названныя статьи перепечатываются безо всякихъ измѣненій, безо всякихъ приспособленій къ событіямъ, которыя были предвосхищены ими. Подъ каждой статьею помѣчена дата ея первоначальнаго напечатанія.

Кн. Евгеній Трубецкой.

2 мая (н. ст.)
1918 года.

Всеобщее, прямое, тайное и равное [1]).

За послѣднее время мнѣ неоднократно приходилось ѣздить изъ Кіева въ Петербургъ черезъ Москву.—Это—тотъ самый историческій путь, который прошла Россія въ процессѣ своего развитія. И по пути мысль невольно обозрѣвала весь этотъ процессъ, который привелъ насъ къ настоящему нашему печальному положенію.

Изъ окна вагона я не видѣлъ ничего, кромѣ *всеобщаго, прямого и равнаго*. Это, если можно такъ выразиться, законъ нашего равниннаго существованія. На разстояніи всего пути картина почти не мѣнялась: я видѣлъ все ту же ровную, прямую поверхность и кое-гдѣ еле замѣтные бугры, которые почти не нарушали однообразія пейзажа. По привычкѣ къ четырехчленной формулѣ взоръ мой сталъ искать тайнаго; тутъ сгустился туманъ надъ полями; потомъ ночь скрыла всѣ очертанія равнины, *и я увидѣлъ тайное*. Когда я проснулся, предо мною красовалось кладбище, это классическое выраженіе всеобщности, равенства и тайны смерти, прямой жребій, предстоящій каждому изъ насъ. А надъ кладбищемъ возвышалась церковь — тоже всеобщее, прямое, тайное и равное, но только въ иномъ, лучшемъ значеніи этого слова.

Прислушаемся къ этому нѣмому языку символовъ: онъ повѣдаетъ намъ, что четырехчленная формула какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ своемъ значеніи не есть что-либо новое въ русской исторіи: въ затаенной глубинѣ нашего народнаго духа всегда боролись двѣ тен-

---

[1]) «Моск. Еж.», 15 марта 1906 г., № 2.

денціи, два противоположныхъ пониманія всеобщаго равенства: изъ нихъ одно находитъ себѣ воплощеніе въ христіанствѣ, другое приводитъ къ всеобщему кладбищу; одно выражается въ признаніи образа Божія во всякомъ человѣкѣ, какъ такомъ, всеобщаго нравственнаго достоинства, другое, напротивъ, уравниваетъ всѣхъ въ общемъ ничтожествѣ.

Равнинный, степной характеръ нашей страны наложилъ свою печать на нашу исторію. Въ природѣ нашей равнины есть какая-то ненависть ко всему, что прерастаетъ плоскость, ко всему, что слишкомъ возвышается надъ окружающимъ. Эта ненависть составляетъ злой рокъ нашей жизни. Она періодически сравнивала съ землею все то, что надъ нею выростало.

Когда начала расти кіевская Русь, степь стала высылать противъ нее рать за ратью полчища дикихъ кочевниковъ; и *они уравнивали*, т.-е. жгли, истребляли, рѣзали; въ концѣ-концовъ, татары *все уравняли*, т.-е. все превратили въ развалины. И когда на южной равнинѣ окончательно воцарилось всеобщее равенство смерти, надъ равнинами сѣвера стала медленно подниматься изъ развалинъ московская Русь.

И въ ней сказалась та же равнинная тенденція. Чтобы бороться противъ угрожающихъ извнѣ уравнительныхъ стремленій татаръ, царская власть сама должна была стать единственной возвышенностью въ странѣ и превратить въ плоскость все то, что подъ нею; она покорила и поглотила отдѣльныя княжества, превратила бояръ въ холоповъ; чтобы они не зазнавались, Іоаннъ Грозный рубилъ имъ головы. Деспотизмъ стремился всѣхъ уравнять въ общемъ ничтожествѣ рабства. Но, создавъ общее для всѣхъ иго, онъ не упразднилъ неравенства состояній. Надъ равниной уцѣлѣло много возвышенностей.

И вотъ въ XVII вѣкѣ противъ нихъ ополчился Стенька Разинъ. Онъ хотѣлъ упразднить различіе между богатыми и бѣдными и перестроить управленіе государствомъ на на-

чалѣ всеобщихъ выборовъ. По-своему онъ «всѣхъ уравнивалъ», т.-е. жегъ, грабилъ, вѣшалъ всѣхъ вообще дворянъ и богатыхъ. Когда же самъ онъ сталъ слишкомъ замѣтною возвышенностью, его въ свою очередь «уравняли» московскіе палачи. Въ XVIII столѣтіи Пугачевъ тѣми же способами дѣлалъ то же дѣло и въ заключеніе подвергся той же участи.

Перенесемся въ нашу эпоху, и мы увидимъ повтореніе того же самаго. Опять наша равнина освѣщена яркимъ заревомъ пожара: огонь грозитъ поглотить всю ту скромную культуру, которая надъ нею выросла. Въ нашей народной душѣ еще живъ духъ Стеньки Разина: объ этомъ свидѣтельствуютъ погромы, аграрныя движенія, междоусобная война, происходящая въ разныхъ мѣстахъ Россіи. И самые способы уравненія теперь, — тѣ же, что и въ дни Разина: поджогъ, грабежъ, насиліе надъ личностью. Наконецъ, теперь мы видимъ то же распредѣленіе ролей между «уравнителями»; сначала стали уравнивать преемники Разина; теперь ихъ самихъ уравниваютъ преемники московскихъ палачей.

Если мы расширимъ кругъ нашихъ наблюденій, мы увидимъ, что теперь разрушается не одно только народное богатство, но и самая духовная культура: гибнетъ университетъ, рушится средняя школа; стихійное массовое движеніе грозитъ смести съ лица земли самое образованіе. И если до этого дойдетъ, то отрицательная всеобщность и равенство осуществятся у насъ въ видѣ совершенно прямой и ровной поверхности: то будетъ равенство всеобщей нищеты, невѣжества и дикости въ связи съ свободой умирать съ голода.

Не такова цѣль совершающагося у насъ освободительнаго движенія; чтобы четырехчленная формула осуществилась у насъ въ иномъ, лучшемъ значеніи слова, намъ нуженъ необычайный подъемъ всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ. Горитъ только то, что тлѣнно. Противостоять всеобщему разрушенію и пожару можетъ только то, что стоитъ на вѣчной, незыблемой духовной основѣ.

Надъ кладбищемъ стоитъ церковь — олицетвореніе вѣчно воскресающей жизни. На нашей равнинѣ это — та единственная возвышенность, которую смерть доселѣ не могла сравнять съ землею. Среди переживаемыхъ русскою жизнью періодическихъ разрушеній церковь одна выходила цѣлою изъ пламени и вновь собирала воедино распавшееся на части народное тѣло. Деспотизмъ и ее подводилъ подъ ранжиръ всеобщаго рабства; но онъ не могъ нанести ей окончательнаго, смертельнаго удара. Духовная жизнь въ ней помертвѣла, но не угасла. Теперь, когда рушится бюрократизмъ, державшій Христа въ оковахъ, и церковь готовится выйти на волю изъ тяжкаго вѣкового плѣна, она вновь должна стать средоточіемъ нашей народной надежды.

Чтобы быть на высотѣ этой задачи, церковь сама должна освободиться отъ временныхъ историческихъ наростовъ и явить міру во всей его первообразной чистотѣ христіанскій общественный идеалъ. Это — прежде всего — идеалъ *положительной всеобщности и равенства*, ибо во Христѣ нѣтъ различія между іудеемъ и эллиномъ, между рабомъ и господиномъ; въ христіанствѣ выражается и высшая *тайна* человѣческаго существованія и тотъ *прямой путь*, который ведетъ ко спасенію.

Это — путь спасительный не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ народовъ. То анархическое движеніе, которое на нашихъ глазахъ разрастается, не можетъ быть остановлено никакой внѣшней, матеріальной силой. Вещественное оружіе безсильно, когда падаетъ въ прахъ весь государственный механизмъ. Только сила нравственная, духовная можетъ положить предѣлъ всеобщему разложенію, рѣзнѣ, грабежу, анархіи общественной и анархіи правительственной Христіанство — та единая и единственная нравственная сила, передъ которою у насъ склоняются народныя массы; иной у насъ нѣтъ. И если русская демократія не опредѣлится, какъ демократія христіанская, то Россія погибнетъ безповоротно и окончательно.

Для русскаго освободительнаго движенія характерно то, что оно дорожитъ равенствомъ болѣе, нежели самой свободой. Оно готово предпочесть рабство *частичному* освобожденію: между *всеобщимъ* равенствомъ рабства и *всеобщимъ* равенствомъ свободы оно не допускаетъ середины. Оно не можетъ мыслить иначе, какъ въ *формѣ всеобщности*. Черта эта составляетъ одно изъ проявленій того *универсализма* русскаго генія, который столько разъ отмѣчался великими русскими писателями, въ особенности Достоевскимъ. Этотъ универсализмъ тѣсно связанъ съ особенностями русской физической природы; здѣсь нѣтъ тѣхъ *естественныхъ* преградъ, которыя бы обособляли человѣка отъ человѣка: гдѣ нѣтъ горъ, тамъ нѣтъ и замковъ, — вотъ одна изъ причинъ, почему въ Россіи не было и нѣтъ почвы для образованія сильной аристократіи.

Универсализмъ русскаго генія и его демократизмъ — два выраженія одной и той же сущности. *Форма всеобщности* и по тому самому демократическія *формы* жизни составляютъ для насъ историческую необходимость. Отъ насъ зависитъ только вложить въ эти формы то или другое *содержаніе*, сдѣлать выборъ между массовымъ деспотизмомъ и демократическою свободою, между господствомъ силы и господствомъ права. Самый выборъ всецѣло зависитъ отъ того, насколько сильны въ нашемъ народномъ сознаніи привитыя христіанствомъ нравственныя начала.

Есть два типа демократизма, два противоположныхъ пониманія демократіи. Изъ нихъ одно утверждаетъ народовластіе на правѣ силы; съ этой точки зрѣнія народъ не ограниченъ въ своемъ властвованіи никакими нравственными началами: безпредѣльная власть должна принадлежать народу не потому, что народъ — сила. Такое пониманіе демократіи несовмѣстимо со свободою: съ точки зрѣнія права силы не можетъ быть рѣчи о какихъ бы то ни было неприкосновенныхъ, незыблемыхъ правахъ личности. Если сила народа является высшимъ источникомъ всѣхъ дѣйствующихъ въ общежитіи нормъ, то это значитъ, что самъ народъ не

связанъ никакими нормами: жизнь, свобода, имущество личности зависятъ всецѣло отъ усмотрѣнія, или, точнѣе говоря, отъ прихоти большинства. Такимъ образомъ понятая демократія вырождается въ массовый деспотизмъ; о томъ, насколько онъ у насъ силенъ, свидѣтельствуетъ рядъ фактовъ нашей общественной жизни и въ особенности — то изумительное пренебреженіе къ свободѣ слова, которое составляетъ печальную особенность нашихъ нравовъ.

Другое пониманіе демократіи кладетъ въ основу народовластія незыблемыя нравственныя начала и прежде всего — признаніе человѣческаго достоинства, безусловной цѣнности человѣческой личности, какъ таковой. Только при такомъ пониманіи демократіи дѣло свободы стоитъ на твердомъ основаніи; ибо оно одно исключаетъ возможность низведенія личности на степень средства и гарантируетъ ея свободу, независимо отъ того, является ли она представительницей большинства или меньшинства въ обществѣ. Весь пафосъ свободы не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, если въ человѣкѣ нѣтъ той *святыни*, предъ которой мы должны преклоняться. Но признавать въ человѣкѣ святыню можно только съ точки зрѣнія опредѣленнаго философскаго и религіознаго міросозерцанія. Если человѣкъ есть только временное, преходящее сочетаніе атомовъ матеріи, то проповѣдь уваженія къ человѣческой личности, къ ея достоинству и свободѣ есть чистѣйшая безсмыслица: объ уваженіи къ человѣку можно говорить только въ томъ предположеніи, что человѣкъ есть сосудъ безусловнаго, носитель вѣчнаго, непреходящаго смысла жизни.

Христіанство учитъ, что человѣкъ есть «образъ и подобіе Божіе». Въ сознаніи нашихъ народныхъ массъ самое понятіе о достоинствѣ человѣческой личности неразрывно связано съ этимъ христіанскимъ ученіемъ: поэтому спасеніе Россіи всецѣло зависитъ отъ того, насколько этотъ принципъ прочно утвердился въ народномъ сознаніи. Только такое одухотворенное пониманіе демократіи можетъ совлечь съ нея образъ звѣриный и сообщить святость ея дѣлу.

Древній философъ на современныя темы [1]).

Бесѣда съ Платономъ.

I.

Такъ какъ Платонъ принадлежитъ къ числу безсмертныхъ мыслителей, я никогда не считалъ его умершимъ. И точно, вопреки историкамъ, мнѣ пришлось убѣдиться, что онъ живъ. На-дняхъ я его встрѣтилъ и вступилъ съ нимъ въ политическую бесѣду. Зная, что онъ спеціально занимался вопросомъ о государственныхъ переворотахъ и посвятилъ этому вопросу цѣлую VIII книгу своей «Республики», я завелъ съ нимъ разговоръ на современныя темы. Сообщаю то, что можетъ интересовать читателя русскаго политическаго журнала, и сопровождаю мое изложеніе ссылками на подлинный греческій текстъ нашей бесѣды.

Прежде всего въ русской революціи Платонъ указалъ мнѣ дѣйствіе общаго закона. По его мнѣнію, олигархическое государство всегда таитъ въ своихъ нѣдрахъ будущую демократію, такъ что государственный переворотъ тутъ рано или поздно является неизбѣжнымъ: ибо въ олигархіи мы имѣемъ, собственно говоря, не одно государство, а цѣлыхъ два—богатыхъ и бѣдныхъ, господствующихъ и управляемыхъ; при чемъ тѣ и другіе, сожительствуя вмѣстѣ, находятся какъ бы въ вѣчномъ заговорѣ другъ противъ друга (VIII, 551). Въ этомъ раздвоеніи—источникъ слабости олигархіи: она неспособна вести какую-либо войну; пользуясь

---

[1]) «Моск. Еж.», 19 апрѣля, 1907 г. № 16.

вооруженною силою массъ, она вынуждена бояться ея болѣе, нежели непріятеля (VIII, 551).

Главная опасность здѣсь заключается въ постепенномъ скопленіи имуществъ въ немногихъ рукахъ и въ соотвѣтствующемъ прогрессивномъ обнищаніи массъ: въ концѣ-концовъ, тутъ не остается никого, кромѣ чрезмѣрно богатыхъ и нищихъ. Не имѣя ни участія во власти, ни заработка, ни имущества, простой народъ какъ бы перестаетъ быть составною частью государства. Массовая нищета рождаетъ и массовую преступность. «Гдѣ въ государствѣ мы видимъ нищету, тамъ таятся и воры, и карманники, и святотатцы, и всякихъ злыхъ дѣлъ мастера». (VIII, 552)

Классовыя отношенія обостряются въ особенности въ военное время, когда богатые и бѣдные встрѣчаются въ строю и наблюдаютъ другъ друга. Тутъ бѣдные не покажутся достойными презрѣнія богатымъ. Наоборотъ, бѣднякъ, исхудавшій, прожженный солнцемъ, видитъ выхоленныхъ, тучныхъ и привыкшихъ къ нѣгѣ и лѣни богатыхъ. Наблюдая ихъ неумѣлость, робость и безпомощность, онъ приходитъ къ тому заключенію, что «наши, молъ, господа ничего не стоятъ» и что они «своими пороками богатѣютъ» (VII, 556).

Жажда матеріальныхъ благъ въ олигархіи, передаваясь отъ богатыхъ, заражаетъ бѣдныхъ. Борьба за имущество вызываетъ борьбу за власть. И олигархія погибаетъ, превращаясь въ демократію «черезъ ненасытную жажду богатства, того самаго, что въ олигархіи считается высшимъ благомъ». (VIII, 555). «Демократія возникаетъ,—по мнѣнію Платона,—когда бѣдные, одержавъ побѣду, однихъ богатыхъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ вонъ, остальнымъ же даютъ одинаковую съ собою часть въ гражданскихъ правахъ и въ должностяхъ». (VIII, 556).

II.

Разговоръ зашелъ о русской демократіи. Тутъ Платонъ сталъ нѣсколько одностороненъ и тенденціозенъ, такъ какъ,

повидимому, онъ знакомъ только съ демократіей «большевистскаго» типа. При этомъ слова его до того современны что, передавая ихъ, я долженъ возможно ближе держаться къ греческому тексту.

Прежде всего, по его мнѣнію, демократическое государство «преисполнено свободы и въ дѣйствіяхъ и въ рѣчахъ, такъ что каждый здѣсь воленъ дѣлать все, что ему угодно». «Каждый устраиваетъ свою жизнь, какъ ему нравится, а потому тутъ встрѣчаются всевозможные типы людей. Изо всѣхъ формъ государственнаго устройства эта кажется наиприкраснѣйшею»: «подобно пестрому платью, украшенному всевозможными цвѣтами, демократія пестритъ всевозможными нравами; и какъ женщинамъ и дѣтямъ нравится пестрое, такъ и она вслѣдствіе этого многимъ кажется прекрасною. Кто хочетъ заниматься государственнымъ строительствомъ, тотъ пусть идетъ въ демократію; тамъ, какъ на ярмаркѣ формъ общежитія, онъ найдетъ все, что ему нравится. Въ образцахъ недостатка не будетъ. Въ этомъ государствѣ нѣтъ необходимости быть способнымъ къ управленію, чтобы управлять, и нѣтъ надобности подчиняться управленію, если этого не хочешь; нѣтъ нужды воевать, когда воюютъ другіе, ни жить въ мирѣ, когда другіе заключаютъ миръ, развѣ только самъ захочешь мира. И, если тебѣ придетъ въ голову, ты можешь тамъ судить и властвовать, хотя бы законъ тебѣ воспрещалъ и то и другое. Чѣмъ это—не сладкая и не божественная жизнь?»

«Что можетъ быть краше милости къ осужденнымъ? Не видалъ ли ты въ этомъ государствѣ людей, которые, будучи присуждены къ смерти или къ изгнанію, тѣмъ не менѣе, остаются, вращаются въ его средѣ и величаются, какъ герои, словно никто этого не замѣчаетъ и объ этомъ не заботится». Люди все могутъ попирать ногами, если только они нравятся такимъ. «Таковыми и подобными сему свойствами обладаетъ демократія—образъ правленія пріятный, пестрый и анархическій, одинаково дающій равенство равнымъ и неравнымъ» (VIII, 557,—558).

III.

Изъ дальнѣйшей бесѣды оказалось, что Платонъ хорошо знакомъ съ цѣлымъ рядомъ современныхъ явленій,—съ недократіей, съ демократической «диктатурой», съ терроромъ двухъ видовъ, съ экспропріаціей и въ части ости—съ безвозмезднымъ отчужденіемъ земель. Неудивительно, что онъ полонъ самыхъ мрачныхъ предчувствій относительно будущаго: онъ—того мнѣнія, что демократія вообще таитъ въ своихъ нѣдрахъ тиранніи и роковымъ образомъ должна въ нее выродиться.

Переходъ къ тираніи, по его мнѣнію, коренится въ самой природѣ демократіи; онъ подготовляется тѣмъ самымъ, что въ ней всего сильнѣе,—«неумѣренной жаждой свободы и небреженіемъ всѣхъ прочихъ благъ».

«Опьяненная сверхъ мѣры безпримѣснымъ виномъ свободы, демократія, въ концѣ-концовъ, обрушивается противъ правителей, если они недостаточно мягки и не даютъ широкой свободы: она наказываетъ ихъ, какъ преступниковъ и олигарховъ. Тѣхъ же, кто подчиняется властямъ, она презираетъ какъ раболѣпныхъ и ничего не стоящихъ; публично и въ частной жизни она воздаетъ хвалу и честь равенству властителей съ подвластными и подвластныхъ съ властителями. Въ такомъ государствѣ по необходимости свобода распространяется на все: она проникаетъ въ частныя жилища; и подъ конецъ анархія вселяется въ самыхъ животныхъ. Отцы привыкаютъ равняться съ дѣтьми и боятся своихъ сыновей, сыновья же почитаютъ себя равными отцамъ, не уважаютъ и не страшатся ихъ, дабы быть свободными... Въ такомъ государствѣ учитель боится своихъ учениковъ и льститъ имъ, и ученики презираютъ учителей, а также педагоговъ. Вообще же молодежь равняется со старцами, соперничая съ ними въ словахъ и въ дѣлахъ; а старцы спускаются до уровня молодежи въ избыткѣ угодливости и шутливыхъ рѣчей; они подражаютъ молодымъ, дабы не казаться суровыми и деспотичными. Насколько здѣсь домашнія

животныя свободнѣе, нежели въ другихъ государствахъ, этому не повѣритъ тотъ, кто самъ этого не наблюдалъ. Согласно поговоркѣ здѣсь собаки воистину становятся подобными ихъ госпожамъ; ослы и лошади пріучаются выступать свободно и величественно, и лѣзутъ на тѣхъ, кто не уступаетъ имъ дорогу».

«Какъ нервны становятся здѣсь граждане! Когда въ чьихъ-либо словахъ они увидятъ малѣйшій намекъ на рабство, они тотчасъ приходятъ въ нетерпѣніе и негодованіе. Въ концѣ-концовъ, они ни во что не ставятъ ни писанные, ни неписанные законы, дабы никому и ни подъ какимъ видомъ не быть подвластными».

«Таковъ тотъ прекрасный и юношескій образъ правленія, изъ коего рождается тираннія» (VIII, 562 — 563).

Крайности всегда свойственно вырождаться въ противоположную крайность. «Въ частной, какъ и въ общественной жизни, чрезмѣрная свобода можетъ перейти только въ чрезмѣрное рабство». Происходитъ это такимъ образомъ.—

Въ демократіи есть три породы людей— прежде всего «расточители и бездѣльники; изъ нихъ тѣ, кто посмѣлѣе, стоятъ во главѣ, а болѣе робкіе за ними слѣдуютъ; они подобны трутнямъ, только одни съ жаломъ, а другіе безъ жала». Эти люди есть и въ олигархіи; но тамъ они не въ чести и удалены отъ власти, а потому безсильны и бездѣятельны; «напротивъ, въ демократіи этотъ родъ людей за немногими исключеніями стоитъ во главѣ. И тѣ, кто повостреѣ изъ нихъ, говорятъ и дѣйствуютъ; прочіе же сидятъ вокругъ ораторской трибуны, шумятъ и не допускаютъ, чтобы кто-либо возражалъ; такъ, что, за немногими исключеніями все вершится въ демократіяхъ этимъ родомъ людей».

Другой классъ въ демократіи — богатые: «это — то, что называется пища для трутней». Изъ этого источника проистекаетъ самый обильный и легко добываемый медъ для трутней.

Наконецъ, третій классъ—простой народъ: это—рабочіе, живущіе личнымъ трудомъ и безработные, малоимущіе; въ

демократіи это—классъ самый многочисленный и, когда онъ соберется вмѣстѣ,—наиболѣе могущественный. Но собирается онъ не часто, развѣ только когда нужно добыть меду. Онъ его и добываетъ, если только власть имущіе въ силахъ отнять имущество у богатыхъ; они распредѣляютъ добычу между чернью, но большую часть присвоиваютъ себѣ.

Тѣ же, кто подвергается экспропріаціи, вынуждены защищать себя сами, какъ они могутъ, рѣчами ли къ народу или дѣлами. При этомъ, если даже они не ищутъ перемѣнъ, противники всегда обвиняютъ ихъ въ заговорѣ противъ народа и въ стремленіи къ олигархіи. Въ концѣ-концовъ, богатые видятъ, что народъ, хотя и неумышленно, но по невѣжеству и поддаваясь обману клеветниковъ, творитъ надъ ними неправду. Тогда уже они волей-неволей и взаправду становьятся олигархами. Къ этому вынуждаетъ ихъ не добровольное рѣшеніе, а тотъ трутень, который ихъ жалитъ.

«Тогда начинаются обвиненія, суды и взаимныя преслѣдованія». На этой почвѣ выростаетъ демократическая диктатура. «Обыкновенно народъ отличаетъ и беретъ себѣ въ вожди кого-нибудь одного и этого одного лелѣетъ и возвеличиваетъ. Покровитель народа, вотъ тотъ корень, изъ котораго рождается тиранъ».

Въ этомъ превращеніи сбывается легенда о Ликеонѣ, который, отвѣдавъ человѣческаго мяса, превратился въ волка.

Опираясь на послушныя ему народныя массы, демагогъ не гнушается кровью своихъ согражданъ, возводитъ на нихъ клеветническія обвиненія, тащитъ ихъ въ суды и лишаетъ жизни, оскверняя свои уста и нечестивый языкъ кровью ближняго, казнитъ и изгоняетъ, возвѣщая народу прощеніе, долговъ и *раздѣлъ земель*. Такому человѣку не миновать своей судьбы, онъ долженъ или быть убитъ врагами или же стать тираномъ и изъ человѣка превратиться въ волка.

Таковъ зачинщикъ возстанія противъ богатыхъ. Понятно, что послѣдніе, въ свою очередь, ищутъ противъ него защи-

ты; если они не въ состояніи добиться его осужденія или изгнанія, они посылаютъ къ нему убійцъ.

Но на это есть прославленное средство, къ которому прибѣгаютъ всѣ стремящіяся къ тираніи: они требуютъ у народа тѣлохранителей, на что народъ и соглашается. Въ концѣ-концовъ, изгнавъ и истребивъ своихъ враговъ, народный покровитель становится во главѣ государства въ качествѣ тиранна.

«Въ первые дни своего владычества онъ всѣмъ улыбается и всѣхъ ласкаетъ, отрекается отъ имени тиранна, даетъ широкія обѣщанія въ частныхъ бесѣдахъ и публично, освобождаетъ отъ долговыхъ обязательствъ и раздаетъ земли простому народу, стараясь казаться милостивымъ и кроткимъ окружающимъ и всѣмъ. Что же касается внѣшнихъ враговъ, то съ одними онъ мирится, другихъ же истребляетъ, но, успокоившись съ этой стороны, снова возбуждаетъ войны, дабы народъ нуждался въ полководцѣ». Это нужно и для того, чтобы обѣднѣвшій народъ, поглощенный заботами о хлѣбѣ насущномъ, не имѣлъ возможности строить ему ковы (VIII, 564 — 567).

Когда-нибудь «народъ пойметъ, какое чудовище онъ родилъ, взлелѣялъ и возвеличилъ!» (VIII, 569).

Таковъ тотъ путь, который, по мнѣнію Платона, ведетъ отъ олигархіи черезъ демократію къ тираніи. Предстоитъ ли и намъ до конца пройти этотъ путь, этого я отъ него узнать не могъ. Одно я могъ замѣтить въ моихъ бесѣдахъ съ Платономъ. Онъ не можетъ простить аѳинской демократіи того полнаго пренебреженія къ высшимъ цѣнностямъ культуры, которое столь ярко выразилось въ казни Сократа. Сократа мы покуда еще не умертвили, но его у насъ и нѣтъ.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

Два звѣря [1]).

I.

Недавно окончившійся въ Москвѣ земскій съѣздъ далъ яркую характеристику современнаго реакціоннаго настроенія. «Сначала репрессіи, потомъ реформы»: вотъ основной тонъ этого настроенія.

Въ резолюціи, принятой съѣздомъ, оно проявилось въ нѣсколько смягченномъ видѣ: съѣздъ призналъ необходимыми и реформы и репрессіи. Но, какъ бы то ни было, и эта резолюція имѣетъ смыслъ лишь въ томъ предположеніи, что принятыя доселѣ правительствомъ карательныя мѣры, въ томъ числѣ и военно-полевые суды, не были достаточны.

Быть-можетъ, нигдѣ психическіе корни реакціи не обнаружились такъ наглядно, какъ здѣсь: отъ участниковъ земскаго съѣзда я узналъ, что изъ нихъ лишь немногіе не пострадали отъ погромовъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Озвѣрѣвшій помѣщикъ—прежде всего сынъ русской революціи. Звѣрь, пробудившійся въ революціи, родилъ изъ нѣдръ своихъ звѣроподобную реакцію. Этимъ резюмируется сущность современнаго политическаго положенія.

Оно чрезвычайно напоминаетъ знакомые намъ апокалиптическіе образы. Явился звѣрь, выходящій изъ моря. «И дивилась вся земля, слѣдя за звѣремъ, и поклонилась дракону, который далъ власть звѣрю. И поклонились звѣрю,

---

[1]) «Моск. Еж.», 30 іюня 1907, №№ 22, 23.

говоря: кто подобенъ звѣрю сему? И кто можетъ сразиться съ нимъ? И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульными словами, и дана ему власть дѣйствовать *сорокъ два мѣсяца*».

Послѣ кратковременнаго владычества этого чудовища, смертельно раненаго въ голову, на смѣну ему является второе: «И увидѣлъ я другого звѣря, выходящаго изъ земли: онъ имѣлъ два рога, подобные агнчимъ, и говорилъ какъ драконъ. Онъ дѣйствуетъ передъ нимъ со всею властію перваго звѣря и заставляетъ всю землю и живущихъ на ней поклоняться первому звѣрю, у котораго смертельная рана исцѣлѣла».

Вотъ образное выраженіе того процесса, который такъ часто повторяется въ исторіи, повторился и у насъ, въ Россіи: революція, смертельно раненая послѣ кратковременнаго владычества, уступаетъ свое мѣсто реакціи: а реакція, дѣйствующая «со всею властью» революціи, заживляетъ смертельную рану послѣдней и заставляетъ снова ей поклоняться. Устами обѣихъ говоритъ одинъ и тотъ же «драконъ»; въ обѣихъ—одна и та же звѣриная сущность. И обѣ вмѣстѣ образуютъ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго мы все не можемъ выйти.

II.

На вопросъ о томъ, почему наше революціонное движеніе получило смертельную рану, можно опять-таки отвѣтить текстомъ Апокалипсиса: «Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ; кто мечомъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убиту мечомъ».

Наша революціонная интеллигенція до сихъ поръ только этимъ и занималась: убивала мечомъ и сама была убиваема; вела въ плѣнъ и сама въ него попадала.

Прежде всего, это былъ плѣнъ духовный. Недавно П. Б. Струве объяснялъ особенности русской революціи своеобразнымъ сочетаніемъ современныхъ интеллигентныхъ идей съ элементарными народными инстинктами.

Въ дѣйствительности, это сочетаніе свелось къ простой капитуляціи идей передъ инстинктами; отсюда—полное ихъ вырожденіе и упрощеніе. Вмѣсто того, чтобы просвѣщать народныя массы, направлять и вести ихъ за собою, интеллигенція ждала отъ нихъ указаній и льстила ихъ аппетитамъ. Демагогія и лесть упразднили всякую грань между свободой и анархіей, между соціализмомъ и грабежомъ, между демократіей и деспотизмомъ.

Нѣтъ ничего новаго подъ луной. Поэтому не удивительно, что характеристика, данная Платономъ древнимъ демагогамъ-софистамъ, цѣликомъ сохраняетъ свою силу по отношенію къ демагогіи современной.

«Всѣ положенія ихъ ученія сводятся къ мнѣніямъ толпы, которыя она высказываетъ, собравшись вмѣстѣ, и это они называютъ мудростью. Положимъ, кто-либо изучилъ движеніе гнѣва и страсти какого-либо большого, сильнаго и хорошо упитаннаго дикаго звѣря, — какъ къ нему подходить, какъ съ нимъ обращаться, чѣмъ и какъ привести его въ ярость или успокоить, какіе онъ издаетъ при каждомъ случаѣ звуки, какими звуками онъ украшается или приводится въ бѣшенство. Представимъ себѣ, что человѣкъ, изучившій все это долгимъ опытомъ, при большой затратѣ времени, назоветъ это мудростью; допустимъ, что онъ возведетъ свои наблюденія въ науку и построитъ изъ нихъ ученіе, не различая въ этихъ звѣриныхъ мнѣніяхъ и страстяхъ, что̀ хорошо и что дурно, что̀ правда и что неправда, а назоветъ, сообразно со вкусами звѣря, добромъ то, что нравится послѣднему, а зломъ то, что ему непріятно»! Совершенно такъ, по словамъ Платона, поступаютъ современные ему софисты.

Описанное здѣсь звѣропоклонство подъ видомъ народопоклонства составляетъ сущность «большевизма» всѣхъ временъ. «Большинство не можетъ ошибаться: прекрасное, истинное, доброе есть то, чего хочетъ его непогрѣшимая воля». Въ этомъ—основной большевистскій догматъ въ наши дни, какъ и во времена Платона.

Для современныхъ софистовъ, какъ и для софистовъ древности, идеи, вообще, лишены самостоятельнаго значенія. Онѣ цѣнны лишь въ качествѣ «продуктовъ массоваго творчества». Современный марксизмъ учитъ, что онѣ—лишь «отраженія классовой борьбы въ человѣческихъ головахъ».

Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о какой бы то ни было неизмѣнной истинѣ: идеи—отраженія такъ же измѣнчивы, какъ и то настроеніе толпы, которое онѣ въ себѣ отражаютъ. Онѣ перестаютъ быть истинными, какъ только онѣ перестаютъ нравиться.

Всего любопытнѣе, какъ отразилось это рабство идеи передъ инстинктомъ въ судьбахъ самого русскаго марксизма.

По прямому смыслу ученія Маркса путь къ соціализму есть концентрація богатствъ въ немногихъ рукахъ и связанная съ этимъ постепенная пролетаризація массы. Съ этой точки зрѣнія послѣдовательный марксизмъ долженъ былъ бы видѣть спасеніе Россіи въ развитіи крупной промышленности и крупнаго землевладѣнія. Понятно, что это ученіе, выросшее въ чуждыхъ намъ условіяхъ, не могло стать популярнымъ среди нашего крестьянскаго населенія. Тутъ оно оказалось въ коренномъ противорѣчіи съ «элементарными инстинктами».

И что же! Народный инстинктъ передѣлалъ ученье, обратилъ его въ ей противоположное. Наши соціалъ-демократы проповѣдуютъ то самое, что представляется съ точки зрѣнія Маркса величайшею и непростительною ересью: «революціонныя выступленія крестьянства вплоть до конфискаціи частновладѣльческихъ земель» — экспропріацію и захватъ земель *частную собственность!* Марксизмъ на русской почвѣ отрекся отъ самого себя, отбросилъ всѣ тѣ элементы своего пониманія исторіи, которые не пришлись по вкусу *«большому звѣрю»*.

Рѣшающее значеніе тутъ имѣли не какія-либо научныя соображенія, а тотъ простой *ариѳметическій* аргументъ,

который рѣшалъ и во дни Платона. Народъ хочетъ *всей земли* и *въ полную собственность*. А помѣщиковъ всего сто тридцать тысячъ.

Ergo — помѣщики должны быть сметены.

Русскій марксизмъ послѣдователенъ по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи. Онъ всегда былъ и на русской почвѣ остался—чистѣйшимъ аморализмомъ. Поэтому, когда русскіе соціалъ-демократы учатъ, что помѣщики должны быть сметены не потому, что этого требуетъ справедливость, а потому, что *народъ—сила*, они по крайней мѣрѣ вѣрны своему учителю.

Марксъ всегда относился отрицательно къ попыткамъ этическаго обоснованія революціи: съ его точки зрѣнія перевороты соціальные и политическіе обусловливаются не соображеніями справедливости, а экономической необходимостью.

Въ иномъ положеніи находится нашъ народническій соціализмъ, который хочетъ быть прежде всего соціализмомъ «этическимъ».

Съ точки зрѣнія этическаго соціализма можно оправдать *всеобщую* экспропріацію частныхъ собственниковъ, *всеобщую* соціализацію земель и орудій производства. Но конфискація однѣхъ земель при неприкосновенности капиталистическаго строя, безвозмездная экспропріація *однихъ* помѣщиковъ и *только потому*, что ихъ мало, тутъ представляется вопіющей непослѣдовательностью, а, стало-быть, и неправдой. Съ этой точки зрѣнія почему, напримѣръ, не подвергнутъ конфискаціи *однихъ* богатыхъ евреевъ? Вѣдь они также составляютъ ничтожное меньшинство среди русскаго населенія!

Стоять за конфискацію имуществъ однихъ землевладѣльцевъ — значитъ признать тотъ общій принципъ, что воля большинства можетъ лишить какихъ угодно имущественныхъ правъ любую часть населенія. Если, ставъ на эту точку зрѣнія, мы спросимъ, почему въ настоящее время конфискаціи должны подлежать только земли, а не капиталы, то

на это можно дать только одинъ отвѣтъ: потому что *сегодня* народъ требуетъ однѣхъ земель, а не капиталовъ.

Съ точки зрѣнія соціализма этическаго это должно было бы считаться простымъ грабежомъ. Однако широкіе слои нашей интеллигенціи не чувствуютъ всего возмутительнаго безобразія *частичной* конфискаціи, этой сдѣлки, извращающей природу соціализма. И это служитъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ крайняго упадка нашего правового сознанія.

На русской почвѣ соціалистическія партіи теряютъ свой соціалистическій обликъ и вырождаются въ древне-русскія *разбойничьи* формы пугачевщины. Какъ по направленію, такъ и по инпціаламъ первымъ *эсъ-эромъ* у насъ безъ сомнѣнія является Стенька Разинъ. Капитуляція идей передъ инстинктами имѣла своимъ послѣдствіемъ крайнее опрощеніе русскаго революціоннаго движенія, вырожденіе его въ старую еще до-петровскую форму. Въ этомъ—злой рокъ русской революціи и главная причина ея крушенія. Неудивительно, что правительству удалось осадить это первобытное бунтарство тѣми же примитивными средствами, которыя примѣнялись съ успѣхомъ уже въ дни Разина.

III.

Нетрудно убѣдиться, что реакція черпаетъ свою силу именно въ слабостяхъ нашего революціоннаго движенія. Второй звѣрь живетъ раной перваго.

Элементарный инстинктъ, передъ которымъ капитулировало это движеніе, въ концѣ-концовъ,—сила центробѣжная, разрушительная для всякой общественной организаціи, въ томъ числѣ и революціонной. Нетрудно убѣдиться, что онъ уже теперь въ цѣломъ рядѣ случаевъ обращается противъ революціи. Революція должна была рухнуть, какъ всякое зданіе, построенное на пескѣ.

Уже осенью минувшаго года мнѣ пришлось высказать, что революцію невозможно построить на аграрныхъ безпорядкахъ. Теперь, когда съ весны они возобновились съ

новой силой, болѣе чѣмъ когда-либо умѣстно объ этомъ напомнить.

Аграрныя волненія не объединяютъ, а, напротивъ, *разъединяютъ* крестьянскія массы: ибо общій предметъ ихъ вожделѣнія—помѣщичья земля—въ концѣ-концовъ, становится яблокомъ раздора между самими крестьянами.

Насильственно захваченныя земли, какъ и всякое вообще чужое добро, впрокъ не идутъ. Крестьянскія движенія никогда не сливаются въ широкую волну: они всегда носятъ характеръ частичный, мѣстный, дробный. Они легко вырождаются во всеобщій *взаимный* грабежъ. Но, дойдя до этой точки, они обыкновенно тотчасъ вызываютъ противъ себя среди самого крестьянства обратную, реакціонную волну.

Война противъ помѣщиковъ естественно переходитъ въ войну противъ всѣхъ. А это и есть та атмосфера, которая воспитываетъ деспотизмъ и реакцію: ибо междоусобная война вызываетъ всеобщую жажду порядка, власти, мира во что бы то ни стало. Утомленное кровавою оргіей населеніе готово мириться со всякой диктатурой. Отсюда и рождается *второй звѣрь*, дѣйствующій силою и властью перваго, то чудовище, которому еще въ XVII вѣкѣ Гоббесъ далъ имя смертнаго бога—Левіаѳана.

Въ Россіи онъ уже родился. И опасность тѣмъ сильнѣе, что реакція встрѣчаетъ у насъ поразительно слабое сопротивленіе. Въ этомъ отношеніи исторія второй Государственной Думы въ высшей степени поучительна.

Крайнія партіи хотѣли сдѣлать ее трибуной для революціонной агитаціи. Но вѣдь для того, чтобы достигнуть хотя бы этой цѣли, нужно было принести съ собою въ Думу какой-нибудь запасъ идей. Разъ Дума лишена реальной власти, она можетъ дѣйствовать только какъ *идейная сила*. Какую же идейную силу представляли собою лѣвые депутаты?

Весь ихъ идейный багажъ сводился къ неустанному провозглашенію голаго формальнаго принципа народной воли. Вмѣсто того, чтобы наполнить ее содержаніемъ, объ-

единить ее какимъ-либо общимъ идеаломъ, они преклонялись передъ нею и служили ей нескончаемый молебенъ; и этимъ окончательно парализовалась всякая законодательная работа.

Правда, попытка направить народную волю на опредѣленное содержаніе была сдѣлана. Крайніе депутаты говорили: «Вся земля безвозмездно всему народу, потому что такъ хочетъ народъ». Но мы уже видѣли, что земля—именно тотъ лозунгъ, который по самой природѣ своей не объединяетъ. Онъ прикрываетъ собою раздоръ частныхъ интересовъ, частныхъ вожделѣній, аппетитовъ, которые не могутъ слиться въ общемъ порывѣ, потому что они по существу враждебны другъ другу. Какое можетъ быть единеніе между людьми, изъ коихъ каждый хочетъ захватить въ свое обладаніе одну и ту же полосу, одинъ и тотъ же клочокъ земли! Одинъ крестьянинъ основываетъ свое право на помѣщичью землю на томъ, что у него мало земли; другой, у котораго земли больше, отвѣчаетъ: «Не тронь, это—земля *нашего* помѣщика»; населеніе малоземельныхъ районовъ жаждетъ надѣленія въ районахъ, гдѣ имѣются большіе запасы земли; а жители этихъ послѣднихъ готовы съ кольями принять переселенцевъ. Каждый хочетъ земли *для себя* и никому нѣтъ дѣла *до всего народа*.

Изъ этихъ центробѣжныхъ стремленій не можетъ сложиться *единая* народная воля. Тотъ кумиръ, передъ которымъ преклонялись лѣвые депутаты, въ концѣ-концовъ, оказался фикціей и разсыпался впрахъ. Печальный конецъ второй Думы какъ нельзя болѣе наглядно доказываетъ, что *единой* народной воли они не нашли и не выражали. Они достигли какъ разъ противоположнаго результата — объединенія обезпеченныхъ классовъ и въ частности земледѣльцевъ—противъ революціи на почвѣ классоваго инстинкта.

Вотъ объясненіе той силы, которую пріобрѣтаетъ у насъ реакція, того слабого противодѣйствія, которое она встрѣчаетъ. Интеллигенція жестоко наказана за свою безъ-

идейность, лесть и звѣропоклонство. Она вела въ плѣнъ къ первому звѣрю и сама попала въ плѣнъ ко второму.

Теперь уже не изъ демократическаго, а изъ противоположнаго, реакціоннаго лагеря мы слышимъ побѣдный кличъ: «Кто подобенъ звѣрю сему»! Произошло роковое недоумѣніе: народъ искалъ руководителей и учителей, а вмѣсто того нашелъ льстецовъ: крестьянинъ ждалъ отъ своихъ депутатовъ реальныхъ благодѣяній, тѣхъ законодательныхъ реформъ, которыя должны были обновить и улучшить его долю. Вмѣсто того онъ слышалъ лишь докучливое эхо, которое повторяло вслѣдъ за нимъ «про землю» и дразнило его частный аппетитъ. И народъ отвернулся отъ своихъ руководителей. Онъ отнесся съ полнымъ равнодушіемъ къ ихъ участи, когда власть наложила на нихъ руку.

Грянетъ громъ и мужикъ перекрестится. Это—первое, съ чего намъ слѣдуетъ начать послѣ грома 3 іюня. А второе, что намъ слѣдуетъ сдѣлать, это—окончательно вырвать нашу мысль и душу изъ околдовавшаго насъ плѣна, сбросить съ себя путы нашего рабства. Ибо какъ первый, такъ и второй звѣрь готовятъ намъ одну и ту же гибель. Первый ведетъ въ плѣнъ ко второму, а второй заставляетъ поклоняться первому.

Что реакція можетъ исцѣлить смертельную рану революціи, это нетрудно предвидѣть уже теперь. Законъ 3 іюня, какъ уже мы имѣли случай говорить, поставилъ землевладѣльцевъ противъ народныхъ массъ и противъ инородцевъ. Онъ создалъ въ ихъ пользу привилегію, которая можетъ стать началомъ ужаснаго конца. Если привилегированные классы воспользуются данной въ ихъ руки властью только для того, чтобы удовлетворять свои аппетиты, если они забудутъ про народную нужду и будутъ думать только о себѣ, они подготовятъ неслыханные доселѣ ужасы. При первомъ внѣшнемъ потрясеніи Россія можетъ оказаться колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Классъ возстанетъ про-

тивъ класса, племя противъ племени, окраины противъ центра. Первый звѣрь проснется съ новою, нездѣшней силой и превратитъ Россію въ адъ.

Глубокая трещина, уже образовавшаяся между Думой и народными массами, грозитъ превратиться въ бездну, въ которую все провалится. Попытаемся же перекинуть мостъ, пока еще не упущено время.

Максимализмъ [1]).

I.

Въ тѣмъ колоссальномъ успѣхѣ, которымъ пользуется въ Россіи ибсеновскій Брандъ, поражаетъ въ особенности одна черта: восторженное поклоненіе относится въ данномъ случаѣ не столько къ Ибсену, сколько къ самому Бранду, успѣвшему за короткій срокъ стать героемъ нашего времени, идоломъ русской интеллигенціи.

Энтузіазмъ съ перваго взгляда—мало понятный, потому что въ личности Бранда неясно самое главное: какому Богу онъ поклоняется, чему учитъ, куда ведетъ своихъ послѣдователей.

Въ чемъ заключается тотъ жизненный идеалъ, ради котораго онъ отвергаетъ мать, жертвуетъ женою, сыномъ и, наконецъ, самимъ собою,—на это врядъ ли кто-либо дастъ опредѣленный отвѣтъ. Онъ гдѣ то высоко надъ низменностью, этотъ идеалъ, *въ горахъ*, куда Брандъ уводитъ свою паству. Но, вмѣсто цѣли и смысла, ради котораго стоитъ жить, жертвовать собою и другими, мы видимъ на этихъ горныхъ вершинахъ ибсеновской драмы только снѣгъ и ледъ, который убиваетъ всякую жизнь, прикрываетъ и замораживаетъ самого Бранда.

Такъ и остается неяснымъ: кому и *для чего* нужны всѣ эти усилія, жертвы и подвиги.

---

[1]) «Моск. Еж.», 18 августа. 1907 г., № 32.

Ясно только одно: Брандъ былъ *максималистомъ*; и именно это привлекаетъ къ нему русскую интеллигенцію, которая находитъ въ немъ родственную себѣ черту. Онъ никогда не довольствовался относительнымъ, а предъявлялъ къ жизни максимальныя требованія: абсолютное совершенство или смерть: «*Или все, или ничего*».

Безсодержательность этого максимализма не смущаетъ русскихъ почитателей ибсеновскаго героя. Брандъ въ своемъ отношеніи къ жизни былъ *радикаленъ*, непримиримъ; онъ презиралъ всѣ относительныя, условныя ея цѣнности, и этого съ насъ довольно.

Эти качества плѣняютъ насъ *сами по себѣ*, и лишь немногіе изъ насъ спрашиваютъ, *во имя чего* слѣдуетъ быть радикальнымъ и непримиримымъ.

«Или все или ничего», вотъ лозунгъ, который мы слышимъ уже восемь съ лишкомъ лѣтъ, съ начала освободительнаго движенія, съ той самой поры, когда студенчество выступило въ роли его авангарда. И конецъ этого лозунга, его практическій результатъ—всегда одинъ и тотъ же,—*ничего*: у Бранда—снѣжная лавина, погребающая вмѣстѣ съ нимъ всѣ его надежды, а у насъ—*разбитое корыто*, единственно вѣрный спутникъ нашихъ освободительныхъ начинаній.

И, странное дѣло, этотъ конецъ у насъ мало кого смущаетъ. Въ Брандѣ русская интеллигенція находитъ себѣ не осужденіе, а оправданіе: да, онъ терзалъ другихъ и самого себя, ища добро, сѣялъ зло, другихъ губилъ и самъ погибъ. Но онъ до конца жизни остался вѣренъ своей формулѣ, ни въ чемъ не поступился своимъ радикализмомъ. Итакъ, будемъ продолжать въ томъ же духѣ.

Что изъ этого выйдетъ на практикѣ, не все ли равно: *мы не примирились*, мы сохранили чистоту нашей формулы; а для насъ она *безотносительно дорога*, независимо отъ ея практическаго результата.

Сколько надеждъ уже разбилъ у насъ этотъ прямолинейный максимализмъ, и сколько терзаній причинилъ онъ

русскому народу! Еще при Александрѣ II Россія рисковала получить первые зародыши представительныхъ учрежденій. Пусть это было малое зерно; изъ него могло вырасти дерево. Но Александръ II былъ убитъ въ самый день подписанія имъ этой хартіи, стараніями тогдашнихъ максималистовъ у насъ надолго воцарилось царство безпросвѣтной реакціи.

Убійство царя-освободителя—одно изъ самыхъ характерныхъ для русской революціи дѣяній. У насъ самая реакція вызываетъ меньше раздраженія, нежели половинчатыя уступки со стороны правительства. Александръ II вызвалъ противъ себя море озлобленія и ненависти со стороны русскаго радикализма *именно тѣмъ, что онъ вступилъ на путь уступокъ*.

Реакція отказываетъ освободительному движенію рѣшительно во всемъ: не давая ему *ничего*, она не противорѣчитъ второму термину брандовской дилеммы и никому не мѣшаетъ требовать *всего*.

Напротивъ, уступки, умѣренныя, либеральныя преобразованія, не укладываются въ дилемму, нарушаютъ священную формулу, а потому приводятъ въ ярость. «*Ни все, ни ничего, а кое-что*», этого русскій радикалъ перенести не можетъ; на это онъ скорѣе всего отвѣтитъ взрывомъ ненависти, а то и взрывомъ, въ иномъ, буквальномъ значеніи этого слова.

Черта это сказывается и въ большомъ и въ маломъ. Какъ ярко, напримѣръ, она проявилась въ исторіи нашихъ студенческихъ движеній! Учащаяся молодежь всегда довольно благодушно относилась къ покойному Дѣлянову, уничтожившему университетскую автономію. Съ тѣхъ поръ у насъ было много министровъ народнаго просвѣщенія.

И на моей памяти ни одинъ, даже покойный Н. П. Боголѣповъ, при которомъ студенты отдавались въ солдаты, не вызвалъ такого озлобленія, какъ П. С. Ванновскій, первый, вступившій на путь уступокъ и реформъ. Кіевское студенчество сожгло на площади не временныя правила Бо-

голѣпова объ отдачѣ студентовъ въ солдаты, а временныя правила Ванновскаго, дававшія студенчеству нѣкоторыя корпоративныя права. Тутъ же мнѣ пришлось высказать мысль, къ сожалѣнію, оказавшуюся весьма близкою къ истинѣ, что такъ же когда-нибудь будетъ сожжена на площади первая русская конституція.

Впослѣдствіи точно такъ же, всякій намекъ на возможность университетской реформы вызывалъ обостреніе студенческихъ волненій. И всякій разъ мнѣ приходилось слышать отъ моихъ радикальныхъ слушателей такое объясненіе: «Реформа намъ не желательна, потому что она можетъ удовлетворить и успокоить сѣрую, буржуазную массу студенчества: это подрѣжетъ намъ крылья. Въ нашихъ интересахъ — накоплять недовольство».

Впослѣдствіи, уже въ конституціонную эпоху, мнѣ приходилось слышать, также изъ устъ радикальной молодежи, такое мнѣніе объ умѣренныхъ аграрныхъ проектахъ: «Сытость крестьянина—не въ нашихъ интересахъ, ибо она порождаетъ довольство и успокоиваетъ!» Вспомнимъ печальную судьбу манифеста 17 октября. Развѣ онъ не былъ сигналомъ къ общему взрыву! Сколько бѣдъ надѣлалъ Россіи одинъ страхъ радикальной интеллигенціи, что онъ удовлетворитъ и успокоитъ!

И такъ же относился русскій радикализмъ ко всѣмъ относительнымъ, промежуточнымъ освободительнымъ цѣнностямъ: онъ видѣлъ въ нихъ только задержки на своемъ пути, препятствія къ осуществленію своихъ безусловныхъ требованій. Онъ не хотѣлъ слышать о народномъ представительствѣ, не соотвѣтствующемъ четырехчленной формулѣ, не принималъ народовластія иначе, какъ въ формѣ республики, неограниченнаго народнаго самодержавія. Для него—лучше никакой конституціи, чѣмъ конституція буржуазная, лучше монархическое самодержавіе, нежели конституціонная монархія; или «вся земля всему народу» или никакихъ улучшеній крестьянскаго быта.

Русскій радикализмъ отрицаетъ не только все исторически дѣйствительное, но и все исторически осуществимое. Поэтому его максимализмъ на практикѣ проявляется какъ нигилизмъ, дикая, ничѣмъ не сдержанная и ни передъ чѣмъ не останавливающаяся страсть къ разрушенію. Изъ формулы «или все или ничего» ему въ дѣйствительности удается добиться осуществленія только второго термина,— «*ничего*». Понятно, почему съ этой формулой обыкновенно связывается другая, ей сродная и столь же нигилистическая—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Здѣсь кроется роковая причина всѣхъ пережитыхъ нами неудачъ и крушеній. Необходимость уступокъ и реформъ въ цѣляхъ умиротворенія, вотъ тотъ единственный аргументъ въ устахъ умѣренной оппозиціи, который отъ времени до времени вліялъ на правительство. Теперь, стараніями русскаго радикализма, у него отнята убѣдительная сила. Доказано неопровержимо, что съ непримиримыми нѣтъ и не можетъ быть примиренія, что уступки не приводятъ къ успокоенію, а, наоборотъ, вызываютъ новый подъемъ революціонной волны. Когда правительство убѣдилось въ малочисленности тѣхъ слоевъ населенія, которые дорожатъ уступками уже сдѣланными, оно начало брать ихъ назадъ. Пока могло казаться, что революція дастъ *кое-что*, радикалы выходили изъ себя. Теперь, когда стало вѣроятнымъ, что она не даетъ *ничего*, ихъ негодованіе утратило силу. Зачѣмъ имъ волноваться: *они спасли свою формулу*!

II.

Слово «максимализмъ» вызываетъ въ нашемъ сознаніи два противоположныхъ, трудно согласимыхъ ряда представленій. Съ одной стороны, «максималистъ»—это крайній идеалистъ, который не идетъ ни на какіе компромиссы, требуетъ немедленнаго осуществленія идеала во всей его полнотѣ, не соглашаясь не только на ограниченія, но даже и на отсрочки.

Съ другой стороны, ставшая привычной ассоціація идей связываетъ съ тѣмъ же словомъ представленіе объ экспропріаторѣ, который кричитъ «руки вверхъ» и грабитъ,— не то для революціонныхъ цѣлей, не то въ собственную пользу. Это—что-то среднее между революціонеромъ и простымъ мазурикомъ.

Это сочетаніе противоположностей, объединенныхъ общимъ названіемъ, не есть результатъ словеснаго недоразумѣнія. Жизнь дѣйствительно знаетъ эти совмѣщенія и эти переходы отъ крайняго идеализма къ крайней преступности — до полной утраты человѣческаго облика. И, несомнѣнно, русскій радикализмъ заключаетъ въ себѣ частью элементы, частью же зародыши какъ того, такъ и другого.

Классическимъ типомъ идеалиста-преступника является Раскольниковъ Достоевскаго. Все черты русскаго максималиста, какъ въ широкомъ, такъ и въ тѣсномъ значеніи этого слова, въ немъ налицо. Это—мечтатель, который во имя своей соціальной утопіи совершаетъ двойное убійство и экспропріацію. *Двойное убійство!* Геній Достоевскаго провидѣлъ даже и эту черту—убійство ни въ чемъ неповинной Елизаветы, *случайную* жертву, которая гибнетъ отъ удара, направленнаго противъ другого лица, гибнетъ только отъ того, что максималистъ встрѣчаетъ ее на своемъ пути.

И тотъ же Достоевскій вскрываетъ логическія основанія перехода отъ утопіи къ преступленію. «*Я—обладатель той единой спасающей формулы*, которая должна облагодѣтельствовать человѣчество: ergo мнѣ все дозволено, я все могу преступить». Тутъ—безграничная вѣра двоякаго свойства: въ непогрѣшимость, святость формулы и въ самого себя, какъ ея носителя.

Такова же и теперь экспропріаторская психологія и логика, съ одной, впрочемъ, разницей. Индивидуалистъ Раскольниковъ вѣритъ самому себѣ, *своей* формулѣ, своему личному генію, знанію и умѣнію. Онъ дѣйствуетъ за свой рискъ и страхъ, отъ собственнаго имени. Нынѣшній же

измельчавшій, *стадный* максимализмъ вѣритъ въ непогрѣшимости *партій* и партійныхъ лозунговъ.

Но сущность одна и та же. Найдена абсолютная истина, *формула*, которой ея обладатель поклоняется какъ божеству, какъ идолу. Человѣческій законъ воспрещаетъ кровавыя жертвы, но *божество* ихъ требуетъ. Ergo—человѣческій законъ долженъ быть нарушенъ.

III.

Уже давно замѣчено, что фанатизмъ русской радикальной интеллигенціи тѣсно связанъ съ ея безсознательной религіозностью. Всякую соціальную утопію она принимаетъ какъ религіозный догматъ, какъ откровеніе, коего каждая буква священна. Вся русская революціонная партія имѣетъ тенденцію превратиться въ секту, которая мнитъ себя единой спасающей церковью, а потому ненавидитъ всѣ прочія секты, какъ еретическія. У всякой — свое евангеліе— отъ Маркса или отъ кого-либо другого, свои революціонные святцы, мученики и праздники, когда полагается воздерживаться отъ труда и предаваться недѣланію. И всѣмъ имъ свойственно присущее религіознымъ сектамъ стремленіе къ дробленію. Самыя крайнія партіи кажутся части ихъ сторонниковъ недостаточно крайними, оппортюнистичными. И въ поискахъ за абсолютнымъ радикализмомъ рождаются новыя партійныя образованія: большевики среди соціалъ - демократовъ, максималисты въ тѣсномъ смыслѣ слова среди соціалъ-революціонеровъ. Всѣ они говорятъ не отъ себя, а какъ бы «отъ Бога», въ каждомъ революціонерѣ сидитъ непогрѣшимый папа, всѣ мыслятъ свой соціальный идеалъ не иначе, какъ въ формѣ безусловнаго.

Максимализмъ въ широкомъ смыслѣ—ихъ общая родовая черта. И источникъ его—всегда одинъ и тотъ же. Въ существѣ своемъ максимализмъ—не болѣе и не менѣе какъ извращеніе одной изъ наиболѣе привлекательныхъ и цѣнныхъ сторонъ русскаго характера. Это—одна изъ многихъ

аберрацій нашего религіознаго сознанія,—*сбившееся съ пути религіозное исканіе.*

Неудовлетворенность всѣмъ вообще существующимъ, неспособность къ копромиссамъ, непримиримость, склонность къ повышеннымъ, максимальнымъ требованіямъ,—все это частныя проявленія той жажды *безусловной, совершенной правды*, которая живетъ не только въ нашемъ интеллигентѣ, но и въ простомъ народѣ.

Съ этой особенностью связана и наша сила и слабость, все то, что есть въ нашемъ національномъ характерѣ, благороднаго и отвратительнаго. Здѣсь—залогъ высокаго подема духа, великихъ подвиговъ и творчества; но здѣсь же таится возможность крайняго паденія. Извращеніе лучшаго изъ человѣческихъ качествъ становится источникомъ худшаго изъ золъ. Сбившееся съ пути религіозное исканіе обращается на недостойные предметы и создаетъ себѣ идоловъ. А идолы обыкновенно бываютъ ревнивы, завистливы, безчеловѣчны и кровожадны.

Русская дѣйствительность полна печальными тому доказательствами. Русскій интеллигентъ жить не можетъ безъ идоловъ и дѣлаетъ ихъ изо всего на свѣтѣ: изъ народа, изъ партіи, изъ формулы, изъ ученія, въ которомъ онъ видитъ «послѣднее слово науки». И все человѣческое забывается и утрачивается въ этомъ идолослуженіи. Это—то самое, что создаетъ преступную атмосферу. Становясь предметомъ исключительнаго почитанія, идолъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится единственнымъ критеріемъ нравственныхъ обязанностей. Отъ всякихъ другихъ онъ освобождаетъ своихъ поклонниковъ: одни считаютъ все дозволительнымъ въ интересахъ народа, другіе—въ интересахъ единой спасающей партіи, третьи—ради торжества единственно непогрѣшимаго догмата. Этотъ догматизмъ—смерть духовной жизни, ибо онъ усыпляетъ разумъ и освобождаетъ отъ труда исканія. Кто мнитъ себя въ обладаніи безусловной правдой, тотъ уже не ищетъ, не подвергаетъ критикѣ своихъ догматовъ, а навязываетъ ихъ другимъ, насилуя и принуждая къ мол-

чанію несогласныхъ. Съ вѣрою въ собственную непогрѣшимость связывается крайнее самодовольство, самомнѣніе и деспотизмъ, опьяненье и бредъ величія, свойственный «монополистамъ» истины.

Идолъ требуетъ отъ своего поклонника высшей жертвы: онъ пожираетъ его самого, убиваетъ въ немъ человѣческое чувство, уничтожаетъ всякую общественность Онъ создаетъ, съ одной стороны, преступные типы, анархистовъ, которые ведутъ истребительную войну противъ всякаго несоотвѣтствующаго ихъ формуламъ общества, а съ другой стороны — разсудочныя машины, доктринеровъ, неспособныхъ къ какому-либо живому практическому дѣлу.

Максимализмъ и доктринерство грозятъ остановить у насъ всякую общественную жизнь: нельзя учиться въ школѣ, потому что мы не имѣемъ «истинно-демократической школы», нельзя законодательствовать въ парламентѣ, потому что мы не имѣемъ «истинно-народнаго представительства». Нельзя терпѣть какую бы то ни было власть, пока власть не перейдетъ въ руки народа. Нельзя давать заниматься земледѣліемъ, пока вся земля не перейдетъ въ руки всего народа; нельзя давать работать фабрикамъ, покуда мы не добьемся восьмичасового рабочаго дня. Нельзя давать жить, пока не восторжествуютъ въ полномъ объемѣ наши священныя формулы. Что изъ того, что этимъ мы ввергаемъ народъ въ нищету, уничтожаемъ всякую безопасность, продолжаемъ до безконечности безнадежную, партизанскую войну и создаемъ силу реакціи. Наша цѣль—не человѣкъ, не его благоденствіе и счастье, а *формула*, которая для насъ—то же, что Іегова для ветхозавѣтныхъ іудеевъ: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ ти бози иные, разбѣ Мене». Итакъ, будемъ поить нашихъ идоловъ кровью.

По отношенію къ безусловной правдѣ максимализмъ умѣстенъ: она дѣйствительно требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ отдавался ей всѣмъ сердцемъ, всѣмъ своимъ существомъ. Это выражено въ евангельской притчѣ о купцѣ, который ради драгоцѣнной жемчужины жертвуетъ всѣмъ сво-

имъ достояніемъ, и въ извѣстномъ текстѣ: «Кто не оставитъ отца и мать свою ради Меня, нѣсть Меня достоинъ». Тутъ, дѣйствительно, нѣтъ мѣста для компромисса. Безусловному человѣкъ долженъ принести себя въ жертву всецѣло и безъ остатка.

Но бѣда наша въ томъ, что мы почитаемъ какъ безусловное тѣ временныя цѣнности политическаго рынка, коимъ сегодня цѣна одна, а завтра другая. Мы отдаемъ себя въ совершенную жертву измѣнчивымъ, преходящимъ требованіямъ политическимъ и соціальнымъ, и этимъ подрываемъ свою творческую силу: мы не въ состояніи создать ничего прочнаго, непреходящаго.

По назначенію своему наша интеллигенція—соль земли русской. Но догматизмъ и идолослуженіе сдѣлали ее солью, потерявшей силу. Неудивительно, что жизнь прошла мимо нея и разбила ея идоловъ. И мы не должны этому печалиться: ибо, во-первыхъ, гибель боговъ—уже сама по себѣ—нѣкоторая побѣда истины. А, во-вторыхъ, крушеніе кумировъ освобождаетъ душу отъ плѣна, дѣлаетъ умъ открытымъ для исканія и подготовляетъ новый подъемъ—въ сферу дѣйствительно Безусловнаго.

Буранъ [1]).

Это ты, о, дорогая,
Ничего, не трусь
Несуразная, кривая,
Но святая Русь!

За послѣдніе дни газеты были полны сообщеніями о снѣжномъ бураиѣ, свирѣпствовавшемъ во всей Россіи.

Съ сѣвера и юга, съ востока и запада приходили извѣстія о полномъ или частичномъ прекращеніи желѣзнодорожнаго движенія. Газеты сообщали, что «успѣшности расчистки путей препятствуетъ продолжающаяся сильная метель при необычайно большихъ морозахъ».

Этими словами резюмируется и все прочее, что за послѣднее время приходилось читать въ газетахъ.

Метель безсмысленна и стихійна; до нашихъ путей сообщенія и до человѣческихъ интересовъ ей нѣтъ никакого дѣла. Ей рѣшительно все равно, что засыпать и кого заморозить; она не дѣлаетъ разницы между желѣзнодорожнымъ полотномъ и никому ненужнымъ оврагомъ, между человѣкомъ и навозной кучей.

Она преслѣдуетъ одну общую задачу—выпрямленія дѣйствительности; поэтому, не углубляясь въ детали и не входя въ оцѣнку индивидуальныхъ явленій, она дѣйствуетъ исключительно простыми, однообразными, но весьма рѣшительными общими мѣрами: она заполняетъ всѣ рвы и ямы, заноситъ всѣ возвышенности, все приводитъ къ плоскости и все окрашиваетъ въ однообразно бѣлую краску.

---

[1]) «Московск. Еженедѣльникъ», 8 января 1908 г.

Оглянемся кругомъ, и мы увидимъ, что за послѣднее время всѣ вообще «мѣропріятія» окрашены этой истинно-русской мудростью метели. Еще такъ недавно наша политическая карта представляла пестрый и изрѣзанный ландшафтъ; общественная жизнь казалась сложной и разнообразной. Теперь метель навела простоту и «порядокъ»: мало-по-малу начинаютъ исчезать всѣ очертанія; скоро вся Россія вытянется въ одну прямую поверхность.

Крайнія партіи уже давно скрылись подъ сугробами; самые слѣды ихъ заметены. Начинаетъ покрываться бѣлымъ саваномъ и партія народной свободы. Не даромъ бывшій «Вѣстникъ Партіи Народной Свободы» теперь просто называется «Вѣстникомъ Народной Свободы». Въ скоромъ времени изъ періодической печати можетъ исчезнуть самое имя партіи; послѣ выборгскаго процесса ея лучшіе кандидаты надолго скрылись подъ снѣгомъ.

Пока еще цѣла партія мирнаго обновленія, но метель не ослабѣваетъ, угрожая и ей той же участью. Напрасны ссылки на ея исключительно мирную, культурную работу. Для метели не существуетъ никакихъ оправданій; мы уже видѣли, что она относится съ особымъ ожесточеніемъ именно къ «расчисткѣ путей сообщенія». На-дняхъ «Россія» дала понять, что такъ-называемая «культурная работа» есть разновидность «крамолы»... Ясно, что, подобно всѣмъ прочимъ возвышенностямъ..., она должна быть заметена.

Вмѣстѣ съ партіями мало-по-малу исчезаютъ и профессіональные союзы. Остаются на сценѣ и сохраняютъ возможность дѣйствовать только тѣ общественныя организаціи, которыя сами окрашиваются бѣлымъ цвѣтомъ, сливаются съ плоскостью и подвываютъ метели.

Неслыханно жестокіе морозы заставляютъ трещать самыя государственныя учрежденія. И они вскорѣ будутъ завалены снѣгомъ, такъ что трудно будетъ распознать: гдѣ сенатъ, гдѣ синодъ, гдѣ высшая школа и гдѣ... департаментъ полиціи.

Дни высшей школы сочтены. Уже появился разъяснительный циркуляръ, въ силу котораго высшимъ учебнымъ заведеніямъ остается или отказаться отъ автономіи или... обзаводиться агентурой. Еще не вырыта та яма, гдѣ должны быть погребены университеты; но носятся зловѣщіе слухи, что при каждомъ университетѣ будетъ учреждена особая должность истребителя автономіи: ему будетъ присвоено званіе «канцлера университета». Что будетъ дальше съ университетомъ,—покрыто мракомъ неизвѣстности: пока что, унесены снѣжнымъ вихремъ и скрылись во мракѣ министръ народнаго просвѣщенія и его товарищъ.

Еще недавно правительствующій сенатъ считался вершиной нашихъ судебныхъ учрежденій. Въ качествѣ такового онъ при старомъ порядкѣ пользовался извѣстнымъ авторитетомъ. Въ тѣ дни каждое министерство, каждое вѣдомство составляло какъ бы особую, самостоятельную державу. Благодаря этому, сенатъ, зависѣвшій развѣ только отъ министра юстиціи, могъ проявлять извѣстную самостоятельность по отношенію къ другимъ министрамъ и въ частности — по отношенію къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Теперь—не то: метель, которая стремится занести всѣ вершины, понятное дѣло, не могла пощадить и вершины юстиціи. У нея есть на то могущественное средство: теперь, благодаря единству совѣта министровъ, каждый изъ министровъ становится начальникомъ каждому изъ сенаторовъ. Въ результатѣ изъ органа юстиціи сенатъ сталъ «органомъ внутренней политики» со спеціальной миссіей— уничтожать законы путемъ разъясненій. На-дняхъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что именно въ виду этой миссіи министерство юстиціи признало несвоевременной реформу сената.

Внутренняя политика стремится сравнять съ землею не только юстицію, но и самую церковь, святѣйшій синодъ сталъ преимущественно органомъ надзора за политической

благонадежностью духовенства, духовнымъ «департаментомъ полиціи».

Еще не вся Россія превращена въ равнину; кое-гдѣ глазъ еще различаетъ уцѣлѣвшія возвышенности. Движеніе жизни не повсемѣстно остановлено. Метель еще не все засыпала и не все заморозила. Но громадность задачи требуетъ извѣстной постепенности въ ея осуществленіи, было бы только постоянство при неослабѣвающей энергіи, и цѣль будетъ достигнута. То и другое, несомнѣнно, есть налицо. Говоря словами «Россіи» — «правительство не только признаетъ необходимость огромнаго и упорнаго труда по плану, имъ разработанному и осуществляемому, но и дѣйствуетъ въ этомъ направленіи, не теряя времени».

Нѣтъ спора, «въ этомъ направленіи» сдѣлано уже очень много. Отъ вьюги на дворѣ теперь такъ темно, что стало трудно не только распознавать очертанія различныхъ государственныхъ учрежденій, но даже и различать своихъ отъ чужихъ. Члены «союза русскаго народа» начинаютъ истреблять другъ друга. Пуришкевичъ наступилъ на ногу Дубровину; Дубровинъ-сынъ вызвалъ на дуэль Пуришкевича; и даже самъ Меньшиковъ въ темнотѣ принялъ П. А. Столыпина за кадета.

Конецъ освободительной эпохи выражается словами народной пѣсни:

«Эй, Настасья, эй, Настасья, отворяй-ка ворота!
Я ворота о т в о р и л а, да метелью занесло».

Къ скачкамъ и безобразіямъ русскаго климата мы привыкли. Метель послѣ октябрьскихъ дней не представляетъ для насъ чего-либо необычнаго и новаго. Мы знаемъ, что лѣтняя жара когда-нибудь должна смѣниться зимней стужей, а зимняя стужа — опять лѣтней жарой.

Въ виду неизбѣжности этой періодической смѣны временъ года, метель сама по себѣ пугать насъ не должна. Мы знаемъ, что ей положены опредѣленные времена и сроки, и что безконечно долго она продолжаться не можетъ.

Есть, однако, что-то страшное въ особенностяхъ именно *этой* зимы. Сторожилы не запомнятъ такого упорства непрекращающихся морозовъ, ни такой невѣроятной глубины сугробовъ. Невольно возникаетъ тревожный вопросъ,—какова-то будетъ весна!

Мы знаемъ, что сила весеннихъ водъ прямо пропорціональна количеству накопившагося за зиму снѣга. Вотъ это обстоятельство и заставляетъ страшиться за будущее.

Какъ бы весенній разливъ не превратился въ наводненіе, что въ низменной мѣстности особенно опасно. Потекутъ потоки мутные, бурные, грязные, и будутъ все сносить: людей, животныхъ, деревья и дома. Они такъ же мало разбираютъ, какъ и метель; имъ присуща та же тенденція къ выпрямленію дѣйствительности и та же ненависть противъ возвышенностей.

Зимой метель все засыпаетъ, а весною воды все заливаютъ!

Бѣдная Россія! Весною, какъ и зимою, ей всегда суждено быть жертвой безсмысленной стихіи и терять свой путь. Зимою безпутица, а весною — распутица! Ей нѣтъ спасенія, пока не будетъ прорванъ этотъ заколдованный кругъ!

Когда-нибудь онъ будетъ прорванъ. Въ концѣ-концовъ, аналогія между внѣшней стихіей и міромъ человѣческимъ имѣетъ свой предѣлъ. Стихійныя тенденціи нашей общественной жизни не суть непреодолимые естественные законы. Противъ нихъ можно и должно бороться. Отъ метелей люди спасаются въ теплыхъ хатахъ; противъ наводненій, когда ихъ заблаговременно предвидятъ, устраиваются плотины. И даже отъ потопа, какъ извѣстно, Ной однажды спасся въ ковчегѣ.

Въ концѣ-концовъ, каждая человѣческая единица представляетъ собою ту каплю, которая можетъ увеличить или не увеличить собою тотъ или другой потокъ. Когда мы выработаемъ въ себѣ ту *человѣческую* силу, которая будетъ въ состояніи противиться стихійнымъ порывамъ, тогда намъ нечего будетъ страшиться метели и наводненія.

Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Власть стихійнаго начала въ нашей общественной жизни обусловливается слабостью развитія у насъ личности. Безуміе нашей революціи, какъ и безуміе нашей реакціи обусловливается, главнымъ образомъ, одной общей причиной,—тѣмъ, что у насъ личность еще недостаточно выдѣлилась изъ безформенной народной массы. Этимъ обусловливаются внезапные рѣзкіе переходы отъ полной неподвижности и косности къ стихійному бунтарству, отъ наивной покорности къ столь же наивному революціонному утопизму.

Отъ этого зла есть только одно спасеніе—развитіе сознательной личности. Болѣзнь, переживаемая Россіей, есть болѣзнь ея возраста: въ этомъ—единственное наше утѣшеніе. Противъ этой болѣзни есть, къ счастью, спасительный рецептъ—народная школа: онъ дѣйствуетъ медленно, но зато вѣрно.

Въ развитіи народной школы заключается основная задача времени. Когда она будетъ поставлена на должную высоту, мы увидимъ, что самый нашъ климатъ—въ значительной степени въ нашей власти. Къ этой цѣли должны быть направлены всѣ наши усилія.

Гоголь и Россія [1]).

Въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя есть замѣчательныя слова, которыя проникаютъ въ самую глубь нашихъ современныхъ думъ.

«Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла И до сихъ поръ остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, *точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родной нашей крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ;* и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный почтовый смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ лошадей».

Когда читаешь эти слова, кажется, точно они написаны вчера, до того они полны современнаго значенія. Все такъ же теперь мы въ Россіи словно чужіе: все такъ же ищемъ и не находимъ родину. Все такъ же давитъ насъ безпредѣльное пространство, не одухотворенное нашей культурной работой. Попрежнему тоскливо чувство неисполненнаго долга передъ родной землей; безсильно движеніе впередъ и безнадежно холоденъ отвѣтъ смотрителя: «Нѣтъ лошадей».

---

[1]) «Моск. Еж.», 27 апрѣля 1909 г. (рѣчь, произнесенная въ память Гоголя на публичномъ засѣданіи совѣта Моск. университета).

Не тѣ или другія преходящія черты эпохи, а сверхвременная сущность нашего народнаго характера выразилась въ произведеніяхъ Гоголя; поэтому въ нихъ до сихъ поръ мы можемъ читать печальную повѣсть не только о нашемъ прошломъ, но и о настоящемъ Россіи. Въ нихъ все полно неумирающаго значенія.

Что же повѣдалъ намъ Гоголь о Россіи? Прежде всего она для него — синонимъ чего-то необъятнаго, безпредѣльнаго, «неизмѣримая русская земля». Но безпредѣльное—не содержаніе, а *форма* національнаго существованія. Чтобы найти Россію, надо *преодолѣть пространство*, наполнить творческой дѣятельностью ея безграничный просторъ. Въ поэзіи Гоголя мы находимъ человѣка въ борьбѣ съ пространствомъ. Въ этомъ — основная ея стихія, глубоко національный ея источникъ.

Съ этимъ связаны у Гоголя всѣ его радости и печали. Безпредѣльное, когда оно является намъ во образѣ пустыни, гнететъ и давитъ: ибо оно вызываетъ *тоску по содержанію*, которое бы его наполнило. Но въ этомъ же созерцаніи безпредѣльнаго есть неизсякающій источникъ подъема и воодушевленія, потому что оно открываетъ безграничный просторъ для жизни, движенія и подвиговъ.

Безграничная тоска и безпредѣльное воодушевленіе,— вотъ тѣ противоположныя настроенія, которыя, въ связи съ созерцаніемъ русской равнины, окрашиваютъ лирику Гоголя. Гоголь признаетъ, что это—тѣ самыя черты, которыя составляютъ своеобразную особенность русской пѣсни.

Особенность эта выражается въ томъ, что русская народная пѣснь не знаетъ предѣловъ ни въ тоскѣ ни въ разгулѣ. «Въ русской пѣснѣ, — говоритъ Гоголь, — мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію унестись куда-то вмѣстѣ со звуками».—«Еще доселѣ загадка,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—этотъ необъяснимый разгулъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, несется куда-то мимо

жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія человѣкъ».

Съ этими особенностями русской пѣсни тѣсно связана другая черта народнаго характера, которая также отражается въ жизни и въ творчествѣ Гоголя. Я говорю о наклонности къ странствованіямъ. Въ той безконечной равнинѣ, среди которой протекаетъ наша жизнь, ничто не приковываетъ къ себѣ человѣка. Благодаря самому однообразію окружающей природы, онъ не чувствуетъ себя прикрѣпленнымъ къ какому-либо опредѣленному мѣсту. Отсюда, въ связи съ бѣдностью жизни, необыкновенная подвижность русскаго человѣка: чѣмъ меньше удовлетворяетъ его окружающая дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе въ немъ влеченіе къ безпредѣльному, тѣмъ больше манитъ его дальняя дорога.

Отсюда у насъ — народный типъ странника, съ которымъ такъ часто сочетается типъ богоискателя. Сочетаніе это вполнѣ естественно. Странствованія нашего народа связываются съ исканіемъ лучшей отчизны, во-первыхъ, потому, что они чаще всего вызываются тоской, страданіемъ, горемъ народнымъ,—словомъ, *разочарованіемъ въ отчизнѣ здѣшней*. Во-вторыхъ, влеченіе къ безпредѣльному, хотя оно и возбуждается созерцаніемъ безконечнаго пространства, однако не находитъ себѣ удовлетворенія въ мірѣ земномъ, гдѣ человѣкъ ежеминутно натыкается на положенныя ему тѣсныя границы. Не удивительно поэтому, что среди русскаго простонародья странникъ считается божьимъ человѣкомъ, при чемъ самое хожденіе по землѣ признается дѣломъ спасительнымъ, богоугоднымъ.

Въ жизни и дѣятельности Гоголя мы находимъ эти самыя черты народнаго типа. Онъ — по существу писатель-странникъ и богоискатель. Почти вся его литературная дѣятельность протекла среди безпрерывныхъ странствованій; и эти странствованія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ самой сущностью его творчества, съ основнымъ *дѣломъ его жизни*, которое для него было дѣломъ по существу религіознымъ.

Онъ странствовалъ, во-первыхъ, потому, что всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ тоску о Россіи здѣшней, дѣйствительной, исторической, и, во-вторыхъ, потому, что всѣмъ сердцемъ жаждалъ «Руси святой», соотвѣтствующей его религіозному идеалу.

Эти странствованія были для него одновременно исканіемъ Бога и исканіемъ Россіи. Въ «Перепискѣ съ друзьями» онъ объясняетъ, что то и другое — для него — одно и то же. Любовь къ Богу безъ любви къ человѣку мертва: «Какъ полюбить Того, Кого никто не видалъ?»—«Не полюбивши Россіи, не полюбить вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣться вамъ любовью къ Богу». Съ этимъ Гоголь связываетъ мысль о паломничествѣ по Россіи; нужно «проѣздиться по Россіи», чтобы ее полюбить, узнать и дѣятельно послужить ей. Напрасно было бы думать, что такой взглядъ на религіозное значеніе путешествій возникъ у Гоголя въ эпоху «Переписки съ друзьями». Съ мыслью о его религіозномъ служеніи для него связывались всѣ его странствованія уже въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ. Уже въ 1829 году онъ пишетъ матери, что *Богъ указалъ ему путь въ землю чужую*. Также въ 1836 г. онъ объясняетъ свое заграничное путешествіе предначертаніемъ свыше. Въ письмахъ своихъ онъ вообще упоминаетъ о своихъ странствованіяхъ рядомъ съ «уединеніемъ», «отлученіемъ отъ міра», самоуглубленіемъ, молитвами [1]).

Чтобы написать «Мертвыя Души», Гоголю нужно было сѣсть въ бричку вмѣстѣ съ Чичиковымъ; уже это одно достаточно освѣщаетъ необходимую связь между творчествомъ Гоголя и его странствованіями по Россіи. Но какое значеніе могли имѣть для этого по существу національнаго писателя его заграничныя путешествія?

Тутъ открывается передъ нами самая парадоксальная и вмѣстѣ чрезвычайно интересная черта дѣятельности Гоголя:

---

[1]) Овсянико-Куликовскій, „Гоголь“, стр. 210.

исканіе Россіи составляло цѣль его жизни, всю задачу его творчества. Но *найти Россію* онъ могъ только за границей.

Въ извѣстномъ лирическомъ мѣстѣ I тома «Мертвыхъ Душъ» онъ говоритъ: «Русь, Русь, вижу тебя; изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу». Чтобы увидѣть Россію, Гоголь долженъ былъ отъѣхать отъ нея на разстояніе: вблизи мелочныя подробности будничной жизни заполняютъ собою все поле зрѣнія и мѣшаютъ разсмотрѣть цѣлое. Онѣ давятъ на душу и задерживаютъ ея полетъ. Гоголь врядъ ли могъ бы вынести созерцаніе этой сѣрой, неприглядной Россіи, если бы темно-синее небо Италіи не бодрило его надеждой на міры иные. Неудивительно, что впослѣдствіи, въ «Авторской Исповѣди», Гоголь жалуется, что среди Россіи онъ почти не увидалъ Россіи. «Разъѣздами по государству много не возьмешь: останутся въ головѣ только трактиры да станціи». Изъ разспросовъ также много не узнаешь: ибо тутъ дѣйствительная Россія заслоняется множествомъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ о ней мнѣній. «Словомъ, — говоритъ Гоголь,—во все пребываніе мое въ Россіи, Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое, духъ мой упадалъ, и самое желаніе знать ее ослабѣвало. Но, какъ только я выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась вновь въ моихъ мысляхъ цѣлой».

Замѣчательно, что образъ Россіи, какъ цѣлаго, для Гоголя не отдѣлялся отъ странствованія, дороги. Извѣстно, что она явилась ему во образѣ бѣшено скачущей тройки, которая «мчится, вся вдохновенная Богомъ». Онъ видѣлъ ее въ общемъ порывѣ, въ общемъ движеніи. *Движеніе и есть то, что объединяетъ Русь въ одно цѣлое.*

Въ этомъ образѣ обращаетъ на себя вниманіе его незаконченность. Гоголь ясно видѣлъ, какъ и *откуда* скачетъ тройка; но онъ не отдавалъ себѣ отчета, *куда* она несется. Съ этимъ связано то роковое противорѣчіе лирическихъ мѣстъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», въ которомъ выражается вся безысходная драма послѣдующаго періода лите-

ратурной дѣятельности Гоголя. Съ одной стороны, художникъ чувствуетъ, что «все въ Россіи обратило на него полныя ожиданія очи». Родина жаждетъ узнать отъ него разгадку смысла своего существованія: она ждетъ отъ него откровенія новаго жизненнаго пути. Но вмѣсто отвѣта у него у самого вопросъ шевелится на устахъ: «Русь, куда же несешься ты! Дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта!»

Ясно, что основная задача остается здѣсь неразрѣшенною. Сказать, что національное существованіе есть быстрое движеніе, странствованіе, скачка, — значитъ ничего не сказать: ибо сущность движенія народа, значеніе этой вѣковой борьбы его съ пространствомъ опредѣляется ея цѣлью. Вмѣсто отвѣта на вопросъ о цѣли Гоголь даетъ только изображеніе самаго стремленія къ ней.

Мы хорошо знаемъ отношеніе этого движенія къ *прошедшему* русской жизни, отъ котораго удаляется наша тройка. Позади остаются пустынныя пространства и ничтожные люди — Маниловы, Плюшкины, Собакевичи, Коробочки. Изо всего этого намъ ничего не жаль; и мы съ радостью повторяемъ за Гоголемъ: «Чортъ побери все». Но настроеніе наше въ корнѣ мѣняется, когда мы задумываемся о томъ, что̀ ждетъ насъ впереди. Точно ли эта скачка въ неизвѣстное должна освободить насъ отъ гнетущихъ впечатлѣній? Не суждено ли намъ впослѣдствіи безконечное число разъ встрѣчать въ дорогѣ все тѣ же безобразія и натыкаться на тѣхъ же знакомыхъ намъ чудовищъ?

Не удивительно, что этотъ вопросъ оказался роковымъ для Гоголя: чтобы творить, ему надо было ясно видѣть путь свой передъ собой и знать, куда ведетъ онъ своего читателя. Въ молодости онъ, по собственному признанію, творилъ беззаботно и безотчетно: когда его давила грусть, онъ освобождался отъ нея смѣхомъ. Но съ годами это соловьиное пѣніе стало для него невозможнымъ: подъ вліяніемъ Пушкина онъ взглянулъ на дѣло серьезнѣе и относительно каждаго своего произведенія сталъ ставить вопросы: «зачѣмъ» и «для чего»; онъ понялъ, что раньше

онъ смѣялся даромъ. Ему стало ясно, что не себя самого надо освобождать смѣхомъ отъ печали: надо дѣлать имъ живое общественное дѣло, — освобождать Россію отъ чудовищъ, изгонять изъ нея бѣсовъ. Ибо смѣхъ — могущественное орудіе борьбы: «насмѣшки боится даже тотъ, кто больше ничего на свѣтѣ не боится».

Въ «Ревизорѣ» нашъ авторъ задался задачей «собрать въ одну кучу» все дурное, что только есть въ Россіи,—всѣ неправды, которыя тамъ творятся, чтобы однимъ разомъ посмѣяться надо всѣмъ. Но на томъ пути, который избралъ Гоголь, нельзя было ограничиться одной этой отрицательной задачей «очистки мусора». Надо было разрѣшить задачу положительную, — найти путь правды. Вотъ почему послѣ «Ревизора» онъ почувствовалъ потребность въ сочиненіи болѣе полномъ, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Вся Россія должна была предстать здѣсь во всей полнотѣ своихъ опредѣленій — тѣхъ высшихъ ея свойствъ, которыя должно цѣнить, и тѣхъ низшихъ, которыя заслуживаютъ осужденія.

Такъ ставилась задача «Мертвыхъ Душъ»; но первоначально Гоголь приступилъ къ работѣ безъ обстоятельно продуманнаго плана: «Я думалъ просто,—говоритъ онъ,— что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, *наведетъ меня самъ* на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными». Иначе говоря, Гоголь поступилъ какъ тѣ странники изъ народа, которые, пускаясь въ дорогу, слѣпо вѣрятъ, что она *сама приведетъ ихъ въ обитель, гдѣ правда живетъ*. Но осквернены всѣ земныя обители. И безъ конца будетъ продолжаться странствованіе отъ монастыря къ монастырю, пока странникъ не пойметъ, что искомой имъ обители на землѣ нѣтъ вовсе, что она еще только должна быть выстроена.

Это самое и случилось съ Гоголемъ. Вмѣсто «святыхъ мѣстъ», коихъ онъ искалъ, бричка Чичикова заѣзжала въ

одни только «опозоренныя святыни и мѣста». Вмѣсто «живыхъ душъ» попадались по дорогѣ только «мертвыя». Обманула его дальняя дорога, и тревога наполнила душу художника: онъ сталъ себя спрашивать: «Зачѣмъ? къ чему это? Что̀ долженъ сказать такой-то характеръ? Что́ должно выразить такое-то явленіе?»

Правъ или не правъ былъ Гоголь въ такой постановкѣ задачи? Могъ ли онъ продолжать творить безъ ясно сознанной цѣли и безъ плана? Такъ творилъ впослѣдствіи Чеховъ, который воспроизвелъ также безъ опредѣленнаго плана великое множество хмурыхъ, безсодержательныхъ и ничтожныхъ человѣческихъ типовъ. Но тутъ-то и сказывается различіе между талантомъ и геніемъ. Въ отличіе отъ Чехова, Гоголю было недостаточно копировать жизнь: ему нужно было вскрывать ея смыслъ и двигать ее впередъ. Онъ требовалъ, чтобы въ каждомъ его созданіи жизнь сдѣлала новый шагъ, и потому не повторялся. Чеховъ довольствовался изображеніемъ эфемерныхъ созданій, которыя рождаются, прозябаютъ и исчезаютъ какъ мыльные пузыри, не оставляя замѣтнаго слѣда на землѣ. Напротивъ, Гоголь, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ,—*хотѣлъ творить существенное;* своимъ искусствомъ онъ желалъ принести осязательную пользу себѣ и другимъ: оно связывалось у него «съ дѣломъ души», съ «прочнымъ дѣломъ жизни». Поэтому онъ не считалъ себя въ правѣ возвращать жизни людей такими, какими онъ ихъ взялъ. И въ этомъ его взглядъ на искусство — неизмѣримо глубже чеховскаго.

Что же помѣшало Гоголю въ исполненіи задачи, столь ясно поставленной и столь глубоко сознанной? Почему не удалось ему *сознательное* искусство? Иные критики объясняютъ это паденіе таланта Гоголя «религіозностью» его послѣдняго періода. Однако новѣйшія изслѣдованія неопровержимо доказали, что эта религіозность была изначальнымъ свойствомъ его душевнаго склада: религіозное искаліе было вообще основнымъ мотивомъ его творчества; и

изъ біографіи его не видно, чтобы его религіозныя воззрѣнія мѣнялись. Странности послѣднихъ произведеній нашего писателя нисколько не коренятся въ его религіозности; напротивъ, они связываются съ нѣкоторыми причудливыми отступленіями отъ нея. «Христіанство» добродѣтельнаго помѣщика Констанжогло не мѣшаетъ ему погружаться въ матеріальную жизнь съ головы до пятокъ. Это—«тузъ-хозяинъ», который отъ своего христіанства богатѣетъ какъ Крезъ и обогащаетъ своихъ мужиковъ. Не менѣе странная фигура—откупщикъ Муразовъ, который наживаетъ милліоны на народномъ пьянствѣ и проповѣдываетъ Чичикову покаяніе.

Но всего поразительнѣе здѣсь односторонность взгляда на религіозный идеалъ; въ «Перепискѣ» онъ понимается исключительно какъ норма для индивидуальной, личной жизни, къ жизни общественной Гоголь не предъявляетъ никакихъ требованій. Онъ мирится съ существующимъ строемъ до крѣпостного права включительно и ждетъ спасенія общества отъ личныхъ добродѣтелей помѣщиковъ, чиновниковъ и въ особенности генералъ-губернаторовъ.

Словомъ, Гоголь не знаетъ христіанства какъ живого *общественнаго* дѣла. И въ этомъ нельзя не видѣть побѣды старой Руси надъ художникомъ. Для изображенія правды въ общественныхъ отношеніяхъ тогдашняя государственная и общественная жизнь Россіи просто-напросто не давала ему образовъ. Онъ могъ наблюдать сколько угодно *частныхъ* добродѣтелей, но онъ не могъ изображать ни общественнаго дѣла, ни общественныхъ дѣятелей, потому что ничего подобнаго въ Россіи въ то время не было.

Отсюда—бьющее въ глаза противорѣчіе дѣятельности Гоголя послѣдняго періода; съ одной стороны, онъ раскрылъ въ своихъ произведеніяхъ ужасающее *общественное* зло; съ другой стороны, отъ этого зла у него спасаютъ не общественныя силы, а изолированныя лица. Въ этомъ, а вовсе не въ религіозности Гоголя, заключается фальшь всѣхъ его добродѣтельныхъ чиновничьихъ и помѣщичьихъ типовъ: не

удивительно, что среди крѣпостного права ихъ блѣдная, безкровная праведность оторвана отъ жизни. Гоголь очутился передъ заметенной снѣгомъ станціей и услышалъ извѣстный намъ окрикъ смотрителя вовсе не потому, что онъ руководствовался своимъ религіознымъ идеаломъ, а наоборотъ, потому что онъ отступилъ отъ него,—попытался совмѣстить его съ чудовищными, антихристіанскими порядками дореформенной Россіи.

Необходимымъ условіемъ воплощенія правды въ общественныхъ отношеніяхъ является всеобщее раскрѣпощеніе, осуществленіе частной и общественной свободы; крупная ошибка Гоголя заключалась въ томъ, что онъ этого не понималъ.

Но еще ошибочнѣе распространенное въ наше время мнѣніе, которое, наоборотъ, ждетъ спасенія общества исключительно отъ внѣшнихъ преобразованій. Именно это заблужденіе составляетъ главное препятствіе къ разрѣшенію поставленнаго нами вопроса,—почему Россія до сихъ поръ не вышла изъ того тупика, на который наткнулся Гоголь.

Со дня смерти Гоголя прошло болѣе полустолѣтія; съ тѣхъ поръ мы избавились отъ крѣпостного права и получили зачатки конституціонныхъ учрежденій. Три года тому назадъ, казалось, отъ Россіи зависѣло стать совсѣмъ свободной и осуществить всякую, даже самую дерзновенную мечту. Не мало было въ то время порывовъ высокаго идеализма. Лучшая часть русскаго общества жаждала правды. И вдругъ все рухнуло.

Опять мы видимъ Россію во власти темныхъ силъ. Сенаторскія ревизіи послѣдняго времени обнажили ужасы не меньше тѣхъ, что были въ сороковыхъ годахъ. «Мертвыя Души» все еще не пережиты нами: въ новыхъ формахъ нашей жизни таится старая гоголевская сущность.

Чѣмъ же обусловливается столь печальный исходъ нашей борьбы за достойныя человѣка условія существованія? Объясненія мы найдемъ опять-таки у Гоголя, который, помимо способности наблюдать настоящее, обладалъ несомнѣн-

нымъ даромъ провидѣть будущее. Среди полнаго затишья сороковыхъ годовъ онъ видѣлъ бѣшеную скачку русской тройки. Ничего подобнаго въ то время не происходило и, конечно, тогда Россія никого не обгоняла. Тутъ Гоголь, очевидно, не наблюдалъ, а предвидѣлъ, ибо чуялъ народный характеръ. Живая душа писателя почувствовала въ себѣ крылья, которыя уносили ее отъ «мертвыхъ душъ»; онъ вѣрилъ, что эти крылья рано или поздно выростутъ у Россіи.

Въ 1905 году пророчество какъ будто бы сбылось. Тогда дѣйствительно тройка закусила удила, подхватила экипажъ, сбивала съ ногъ прохожихъ и наводила ужасъ на сосѣдей своимъ молніеноснымъ движеніемъ До сихъ поръ съ подлиннымъ вѣрно; и только окончаніе внесло въ гоголевскій текстъ кое-какія дополненія.

Вѣрные національному инстинкту, кони мчались безъ возницы, не зная дисциплины ни удержа. Не чувствуя вожжей, освободившись отъ всякаго управленія, они подчинялись только стихійному стремленію къ безграничному простору и къ дикой волѣ. Но недолговѣченъ былъ порывъ и скоро смѣнился общимъ утомленіемъ. Безпорядочная скачка кого потоптала, кого устрашила. Тутъ, къ великой радости испуганныхъ обывателей, тройку поймала твердая, но грубая рука. Съ тѣхъ поръ она покорно возитъ казенную корреспонденцію. А обывателямъ скорая ѣзда воспрещена надолго.

Отчего это случилось? Во-первыхъ, отъ той экстенсивности національнаго характера, которая воспиталась въ борьбѣ съ пространствомъ, отъ нашей ненависти ко всему, что носитъ на себѣ печать какого-либо предѣла, отъ нашей неспособности въ чемъ-либо себя обуздать и ограничить. Мы захотѣли однимъ взмахомъ перелетѣть безграничное пространство; когда это не удалось, у насъ разомъ опустились руки. Русскому нужно или все или ничего: все относительное, ограниченное его не интересуетъ.

Другая причина неудачи въ томъ, что движенію недоставало то самое, что могло сдѣлать его прочнымъ и долговѣчнымъ. Въ немъ было недостаточно той вѣры въ Россію, которая вдохновляетъ на подвиги; зато въ немъ было много тої ненависти, которая ослѣпляетъ и затмеваетъ его смыслъ. Казалось бы, всѣ участники освободительной борьбы могли бы объединиться въ общемъ служеніи Россіи, въ общемъ стремленіи освободить ее. Но для многихъ изъ насъ Россія олицетворяла собой то самое иго, отъ котораго надлежало освободиться. Рабскій образъ современной Россіи для многихъ заслонялъ внутреннюю *духовную* Россію, то лучшее народное «я», которое достойно любви и вѣры. Но безъ вѣры невозможно горы передвигать: когда ея нѣтъ, во имя чего бороться, ради чего приносить жертвы? Вотъ почему такъ скоро изсякло наше воодушевленіе; вотъ почему мы такъ поспѣшно и постыдно пошли на полную капитуляцію.

Но обратимся къ Гоголю. Другое его пророчество еще ближе къ дѣлу. Вдохновеннымъ разсказомъ «Мертвыхъ Душъ» про сапожника Максима Телятникова онъ прямо предсказалъ, какъ русскій человѣкъ воспользуется своей свободой, когда онъ ее добудетъ.

«Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье,— «А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ,—сказалъ ты:— да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то втридешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ; да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться, приговаривая: «Нѣтъ, плохо

на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!»

Вотъ въ двухъ словахъ наша печальная исторія. Три слишкомъ года тому назадъ дорогой цѣной добыли мы себѣ волю: оброкъ платили не деньгами, а людьми. Пришло намъ время обзавестись «своимъ домкомъ»,—и мы тотчасъ отвергли всякую иноземную школу; въ тѣ дни на собраніяхъ, на митингахъ громче всѣхъ раздавался голосъ Максима Телятникова: «Мы не такъ какъ нѣмцы,—мы вдругъ разбогатѣемъ». Но тутъ, какъ и вездѣ, Телятниковъ оказался двоественнымъ типомъ—сочетаніемъ радикала и плута. Какъ радикалъ, онъ ненавидитъ постепеновщину, все то, что напоминаетъ правило «потихоньку да полегоньку» и отзывается нѣмцемъ. Но вершина человѣческаго благополучія не достигается разомъ; кто хочетъ обойти необходимыя ступени общечеловѣческаго прогресса, тотъ волей-неволей вынужденъ сплутовать. Телятниковъ и тутъ попытался основать благополучіе на грабежѣ и, понятное дѣло, пересталъ внушать вѣру; который разъ разочаровалась въ немъ русская публика, и лавочка его запустѣла. Но поздно: онъ всѣхъ успѣлъ скомпрометировать и всѣхъ вовлекъ въ свое разореніе. Теперь, вмѣсто золотыхъ горъ, которыя онъ сулилъ, намъ недостаетъ даже самаго скромнаго благосостоянія. Что же дѣлаетъ Россія? Пьетъ какъ никогда и жалуется, что житья нѣтъ русскому человѣку отъ нѣмцевъ. А отъ нѣмцевъ и въ самомъ дѣлѣ приходится плохо! Сначала грозили, потомъ стали приказывать, и, если такъ будетъ продолжаться, то скоро будутъ бить, пока не выучатъ.

Что же это значитъ? Являются ли нѣмцы по отношенію къ намъ высшей расой, превосходятъ ли они насъ дарованіями, умственными способностями? Нѣтъ, но они цѣнятъ относительное, *осуществимое* и въ достиженіи ограниченныхъ результатовъ проявляютъ огромное упорство. Они бьютъ насъ тѣмъ самымъ качествомъ, которымъ били насъ японцы, которымъ превосходятъ насъ едва ли не всѣ наши сосѣди,—*житейскимъ умѣньемъ*. Народъ, родившій Пуш-

кина, Гоголя, Достоевскаго и Толстого, несомнѣнно, обладаетъ *высшими* дарами генія; насъ губило доселѣ скорѣе отсутствіе меньшихъ дарованій.

Здѣсь мы приближаемся къ отвѣту на вопросъ, поставленный въ началѣ этой бесѣды: почему, несмотря на огромныя естественныя богатства и на многовѣковыя усилія, русскій народъ не сумѣлъ обезпечить себѣ не только благоустройства, но даже сколько-нибудь сноснаго существованія? Тутъ недостатки тѣсно связаны съ положительными качествами. Они составляютъ какъ бы оборотную сторону медали. Говоря о нашей житейской безпомощности, какъ не вспомнить замѣчаніе Гоголя о томъ, что русская пѣснь идетъ мимо жизни и не обнаруживаетъ къ ней привязанности!.. Все, что было въ Россіи творчества, всегда устремлялось къ безусловному, безотносительному, горнему. Не потому ли нѣмецкое терпѣніе, нѣмецкія заботы объ *относительномъ* благополучіи намъ кажутся подчасъ столь жалкими, буржуазными, филистерскими! Въ отношеніи русскаго человѣка и въ особенности русскаго радикала къ нѣмцу есть много безсознательнаго, незамѣтнаго для насъ самихъ высокомѣрія; это—та самая черта, которая была увѣковѣчена Щедринымъ въ безсмертной бесѣдѣ мальчика безъ штановъ съ мальчикомъ въ штанахъ. Безпріютный и бездомный скиталецъ въ собственной землѣ, русскій человѣкъ втайнѣ презираетъ нѣмца именно за то, что тотъ обзавелся «собственнымъ домкомъ»,—комфортомъ, приличіемъ и... штанами! Для національнаго самомнѣнія даже заметенная снѣгомъ станція служитъ свидѣтельствомъ о національномъ превосходствѣ и даровитости.

Нужно ли доказывать, насколько такое отношеніе къ себѣ и другимъ несправедливо въ своей односторонности! Тотъ глубокій идеализмъ, который не мирится съ духовнымъ мѣщанствомъ въ какомъ то ни было видѣ, составляетъ цѣнное преимущество нашего народнаго характера. Но этотъ идеализмъ утрачиваетъ свою жизненную силу, когда онъ впадаетъ въ крайность *отрицанія относительнаго:*

этимъ онъ лишаетъ себя возможности *проникать* въ нашу земную жизнь, гдѣ безусловное Добро еще не совершилось, а только совершается. Кто хочетъ цѣли, тотъ долженъ хотѣть и средства; поэтому, съ точки зрѣнія идеала безусловнаго совершенства, слѣдуетъ привѣтствовать всякое приближеніе къ добру, всякое относительное усовершенствованіе. Иначе самый идеализмъ превращается въ каррикатуру, становится маской для лѣни, удобнымъ предлогомъ, чтобы ничего не дѣлать! Если добыть себѣ полную свободу—не въ нашей власти, то слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны мириться съ рабствомъ? Если мы не въ состояніи однимъ скачкомъ достигнуть царства правды, то можетъ ли это послужить оправданіемъ той безграничной неправды, которая царитъ въ русской землѣ? Если мы не въ состояніи превратить Россію въ Царствіе Небесное, то неужели на этомъ основаніи мы должны прекратить борьбу противъ надвигающагося ада?

Надо разъ навсегда покончить съ правиломъ: «или все или ничего»,—иначе изъ насъ ничего и не выйдетъ. Можно такъ или иначе объяснять нашу житейскую неумѣлость, безпомощность; но мириться съ ней—преступно; ибо это равносильно отказу отъ того живого дѣла, котораго прежде всего требуетъ отъ насъ правда. Идеалу измѣняетъ не тотъ, кто совершаетъ къ нему трудный, долгій путь восхожденія, а именно тотъ, кто отвергаетъ ведущія къ нему ступени и, гнушаясь труда, складываетъ руки.

Рано или поздно въ нашемъ общественномъ сознаніи утвердится та истина, которая въ послѣдніе дни жизни Гоголя была его завѣтной мыслью : что путь къ идеалу есть лѣстница. Какъ бы дологъ и труденъ ни былъ этотъ путь, онъ долженъ былъ пройденъ до конца. Но, чтобы найти въ себѣ потребныя для этого силы, намъ нужно всѣмъ сердцемъ вѣрить въ ту цѣль, къ которой мы идемъ. Надо никогда не ослабѣвать въ исканіи Россіи и сквозь бѣдность окружающей жизни умѣть различать ея идеальный, духовный обликъ. Когда-нибудь она побѣдитъ и наполнитъ содержа-

ніемъ то безпредѣльное пространство, съ которымъ она нынѣ борется: оно перестанетъ быть пустымъ и безпріютнымъ. Въ томъ порукой намъ—наше великое искусство, которое заселяетъ пустыню образами,—тотъ геніальный творческій даръ, который явился въ произведеніяхъ нашихъ художниковъ. Любовь къ Россіи родила эти чудные образы и звуки, и творческая сила этой любви доказываетъ, что жива Россія. По слову Достоевскаго, красота спасетъ міръ. Будемъ же вѣрить въ тотъ дивный, прекрасный, новый міръ, въ которомъ само пространство станетъ пѣснью. Въ немъ родина—навѣки наша.

Тотъ странникъ-богоискатель, который всегда жилъ въ лучшихъ произведеніяхъ русской литературы, когда-нибудь достигнетъ цѣли своихъ странствованій и найдетъ ту Россію, которую всѣ мы ищемъ. И, какъ бы ни были необходимы внѣшнія преобразованія, ими одними это не будетъ достигнуто: по вѣщему слову Гоголя,—для этого нужно внутреннее дѣло души, прочное дѣло жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Старое и новое	3— 4
Всеобщее, прямое, тайное и равное	5—10
Древній философъ на современныя темы	11—17
Два звѣря	18—27
Максимализмъ	28—37
Буранъ :	38—43
Гоголь и Россія	44—59